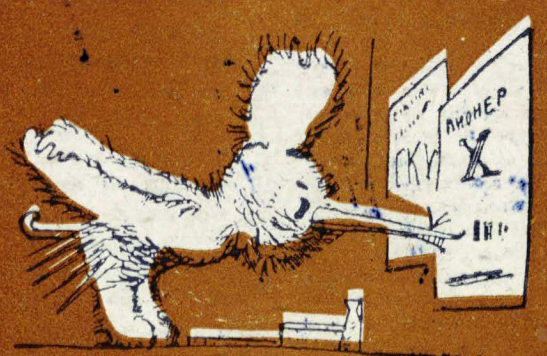
ПИОНЕР

П 349
П 29
34

1. Это необыкновенный Тут-Итам

2. Он вышел на прогулку.

КАРТА ВЕЛИКИХ РАБОТ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ
дана приложением к этому номеру журнала



3. — 10 лет журналу „Пионер"? Очень приятно!

5-6

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1934 г.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

№ 5-6

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Март 1934 г.

4. По дороге на юбилей надо привести себя в порядок. *(См. стр. 5).*

ПИОНЕРУ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР», АВТОРСКОМУ КОЛЛЕКТИВУ И РЕДАКЦИИ

Журнал «Пионер» по возрасту становится ровесником своим читателям. Первые читатели журнала давно уже вошли в ряды могучей армии рабочего класса.

Бывшие пионеры — старые читатели журнала — теперь молодые инженеры, ученые, командиры, рабочие-ударники, коммунисты, комсомольцы. Журнал «Пионер» может гордиться, что за эти годы он активно способствовал тому, чтобы «миллионы детей под руководством партии и комсомола приобщились через пионерское движение к новой общественной жизни» (из постановления ЦК ВКП(б) от 21/IV 1932 г.).

Вступая во второе десятилетие существования, журнал «Пионер» должен еще крепче связаться со своими читателями-деткорами, еще интереснее ставить перед своими читателями злободневные вопросы жизни школы и пионерской организации, раскрывать перед детьми еще более яркие, увлекательные страницы.

Центральное бюро юных пионеров, приветствуя читателей журнала «Пионер», авторский коллектив и редакцию, надеется, что во втором десятилетии журнал своим оружием, оружием художественного слова, еще лучше будет помогать нам растить и воспитывать армию юных ленинцев.

Председатель Центрального бюро юных пионеров **В. ЗОЛОТУХИН.**

Десять лет назад, когда старшим из наших нынешних читателей было по пяти лет, а многих еще даже вообще на свете не было, вышел первый номер журнала «Пионер». На его обложке был нарисован пионер, разжигающий костер.

Это был один из первых костров пионерской организации. С тех пор в лагерях разжигают миллионы костров. Вокруг пионерских костров выросли поколения пионеров, вокруг журнала «Пионер» росли поколения читателей и деткоров, сплачивались писатели и художники — авторы детской книги.

И вот мы выпускаем юбилейный номер журнала. Мы его посвящаем писателям и читателям, в знак их крепкой дружбы, и назовем номером встречи. Сегодня наши лучшие ударники-писатели Кассиль, Третьяков и Гайдар рассказывают, как они работают, как стали писателями.

Лучшие наши ударники-художники Каневский и Кузьмичев об этом же рассказывают рисунками. Правда, Каневский и не очень точно описывает свою жизнь, на то ведь он и автор Тут-Итама, самого необыкновенного в мире зверя.

В этом номере, в газете «Бумеранг», перекликаются деткоры всех десяти лет «Пионера».

За «Пионером» десять лет жизни, десять лет, в течение которых он помогал школе и пионерской организации выковывать из школьников и пионеров активных бойцов за дело рабочего класса.

К дальнейшей борьбе за дело Ленина — Сталина «Пионер» всегда готов!

Редколлегия журнала «ПИОНЕР».

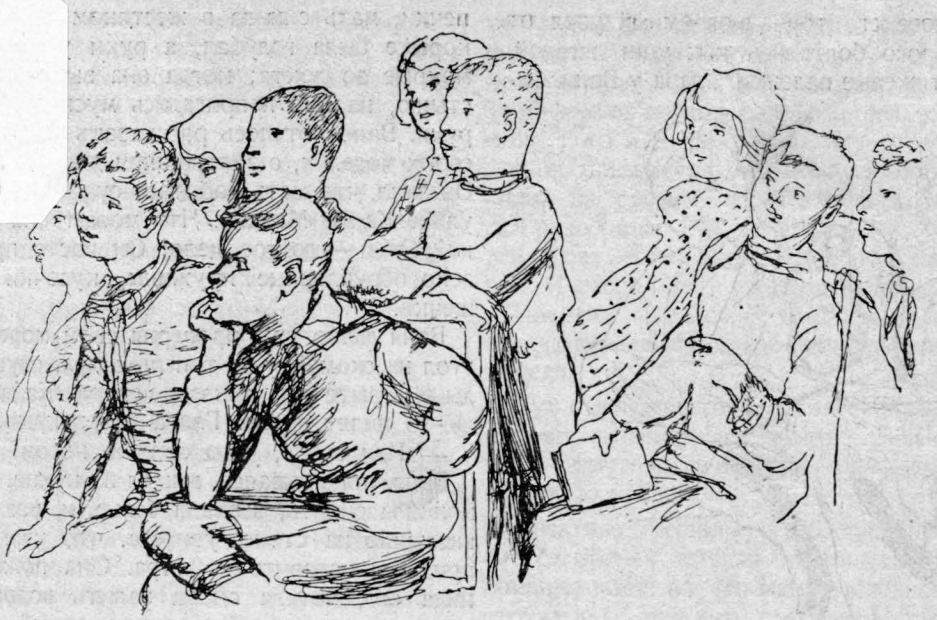
Пионердвижение имеет громадное значение. Оно должно растить коммунистов, давать ребятам в простых, живых образах политические знания, помогать в этом направлении работе школы, должно помогать ребятам овладевать знаниями и тесно увязывать их с практикой, с общественной работой. Оно должно учить ребят коллективно обсуждать интересующие их вопросы, коллективно, умело и ударно работать, коллективно жить, должно воспитывать у них волю, характер, сознательную дисциплину.

Все эти вопросы очень важны и в то же время требуют очень серьезной подработки. «Пионер» близко стоит к практике, к ребятам; у него за 10 лет накопился уже большой опыт.

Желаю ему успеха в его дальнейшей, большой и важной работе.

Н. Крупская

П 29
34



Л.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт №410

ПИСАТЕЛИ ПРИЕХАЛИ

Рассказ *Р. Фрлермана*

Рисунки *М. Горшмана*

Ваня Виноградов никогда не видел писателей. Поэтому, когда учительница Анна Дмитриевна сказала, что сегодня в Центральной библиотеке будут выступать приехавшие из Москвы писатели, Ваня заволновался.

Из дому он собирался выйти в четыре часа. Но мать из-за стирки задержалась с обедом, а отец пришел из депо только в пять. Ваня отказался от щей, с'ел картошку с мясом и выскочил в сени. Мать остановила его. Она вспомнила, что ночью он жаловался на боль в ушах. Она повернула его направо, налево, завязала уши теплым платком и велела надеть валенки.

На улице, мимо освещенных окон кооператива, летал снег, шаталась метелица. Она так же как мать покружила Ваню, повернула его направо, налево и отпустила, наконец, в библиотеку.

Там уже было много народу. Ваня, не отрываясь, смотрел на писателей. На одном из них была шапка с длинными ушами, которые можно было закинуть за спину. Другой, в суконной толстовке, был похож на машиниста Федора Тимофеевича, часто приходившего к отцу в гости. Третий ни на кого не походил. Он курил трубку, на нем были воротничок, галстук, белые манжеты высовывались из рукавов пиджака.

«Неужели,—думал Ваня,—это он, такой чистый, написал книгу, как можно из резинки, щепок и жести сделать себе паровоз?».

Но когда писатель поднял руку и сказал: «Ребята, тише!», Ваня заметил, что на указательном пальце у него не хватает одного сустава.

«Ага, оттяпал себе, все-таки, топором...»

И Ваня посмотрел на свои маленькие грязные руки в цыпках, ссадинах, в царапинах от отцовской стамески.

В это время писатель вынул из чемодана новые модели, и Ваня забыл обо всем. Он вскочил на стул, чтобы лучше видеть. Его посадили. Он вскочил снова. Его обругали. Он кинулся по проходу к эстраде и сел на ступеньки. А писатель уже показывал модели. Под потолком высокой залы пронесся картонный планер, запущенный резинкой, как из рогатки. По столу прошел автомобиль, тащивший на себе коробку спичек. Пароход с мачтами, тоже заведенный резинкой, бил по воздуху своими жестяными колесами. Потом крошечный мотор с карманной батареей вращал пропеллер. Много было чудесных вещей! В ушах у Вани звенело. Он сначала плохо слушал, что говорили писателям дети. Они называли их не по фамилиям, а по их книгам: Кожевникова — «Тансыковым», Злобина—«Салават Юлаевым», Абрамова—«Щепки, резинка и жесть».

Они говорили:

«Пишите нам про холодные страны, пишите про жаркие страны и про зверей. Пишите веселые книги, чтобы после алгебры и арифметики нам было смешно. Пусть это будет неправда, как «Барон Мюнгаузен», но чтобы мы смеялись. Пишите нам про гражданскую войну и про будущее. Пишите про хороших коммунистов. Пишите о народах нашей страны и о нашей природе, но только красиво — так, чтобы дул настоящий ветер и шел настоящий снег».

Потом вышла маленькая девочка в веснушках, с косами, завившимися на кончике в одно кольцо. Она то краснела, то бледнела и, забыв, что ей хотелось сказать, прочла басню Крылова «Волк и журавль».

Взрослые улыбались.

Но Ваня выслушал и ее. Сердце его громко стучало. Ему тоже хотелось сказать что-нибудь. Никто из этих детей, учителей, родителей,—никто не знает, что он раньше писателя — инженера Абрамова — догадался сделать из гвоздей и резиновых подвязок заводной паровоз; что у него есть мельница, которую вращают мышь и электричество.

Ваня взошел на трибуну.

На стриженой голове его торчал огромный узел от платка, концы которого болтались как уши лягавой. Ноги едва волочили тяжелые валенки. Глаза у Вани бы-

ли большие и светлые как лед. Он повернулся к девочке, все еще стоявшей на трибуне, и протяжно, тонким голосом сказал ей:

— Наоборот я люблю технику. Наоборот, — повторил он, обернувшись к тем, которые смеялись над его потешной фигуркой в платке,—я люблю технику.

И все стихли. Так настойчив был его голос и глаза так светились, что, казалось, две слезы застыли на его лице.

— Тут показывали, — продолжал он, волнуясь и растягивая слова, — автомобиль с резинкой. Он везет коробку спичек. У меня паровоз везет два кирпича. Наоборот, я люблю технику.

Ваня снова сел на ступеньки. Писатель поднялся из-за стола, подошел, присел рядом с Ваней и обнял его той самой рукой, на которой не хватало полпальца. Они разговорились.

И писатель узнал, что Ване восемь лет, что кроме паровоза и мельницы он еще делает разные машины, моторы, батарейки и может устроить радио.

Ваня же от писателя ничего не узнал нового, кроме того, что палец он не топором «оттяпал», а потерял на войне с белыми. Ване стало жаль писателя, и, чтобы утешить его, он сказал:

— Техника решает все.

Они расстались до завтра. Завтра утром в 14-й школе соберутся юные конструктора со своими моделями, и Ваня должен принести все, что у него есть. Он шел домой взволнованный, радостный, не замечая дороги. Метель стихла. Только в свете фонарей, как соль сверкая, сыпалась сверху изморозь.

Дома Ваня поужинал щами, оставшимися от обеда, и принялся за свои модели. Надо было их осмотреть и проверить, чтобы завтра показать всем. Он устроился в кухне, на скамейке. В комнате мать ему не позволяла сорить. Но и в кухне было хорошо. Под потолком горела большая, в пятьдесят свечей, лампа; от плиты несло теплом, пахло сосновыми дровами. Тут же, возле печки, мать синила в жестяном корыте белье. Вода в корыте была голубая, а руки у матери — красные и мокрые до локтя; когда она выжимала тяжелую простыню, на них напрягались мускулы. Сильные, добрые руки. Ване хотелось рассказать матери о писателях, о своих моделях, о завтрашнем дне. Но мешала гордость. Он знал, что мать работает судомойкой в столовой, на улице Карла Маркса. Что может она понять в технике? Отец — другое дело! Он часто приносит Ване из депо обрубленные пружины, кусочки проволоки, до щечки.

Ваня давно уже проверил свои модели, сложил их в угол на скамейку, и теперь сидел, слушал всплески воды в корыте под руками матери. Казалось, что далеко где-то пилят дрова. Глаза его закрывались.

— Иди спать, чего сопишь носом? — сказала мать.

Ваня, пошатываясь, вышел из кухни. Между тем мать кончила синить, выжала белье, и, взглянув на ходики, висевшие на стене, увидела, что уже поздно и белье придется оставить до утра. Она пожалела, что насинила его, хотела снова залить водой, но, раздумав, сложила на скамейку в тот самый угол, куда Ваня засунул свои модели. Но этого Ваня не видел. Он спал, и с лица его не сходило выражение удовольствия и гордости.

Утром его разбудил сердитый голос матери. Он увидел ее у окна. Как и вчера руки матери были обнажены до локтя. Она разглядывала на свет простыню. На влажном полотне видны были большие ржавые пятна. Такие же пятна были на полотенцах, юбках и на новой рубахе отца.

— А-а, пропасти на него нет с его гвоздями и железками! — кричала мать. — Все белье перепортил окаянный. Ржавчину, разве ее отмоешь? Век не отмоешь! Давно бы мне сжечь все эти игрушки. Весь дом загадил!

Ваня вскочил с кровати и босиком, в одной рубашке бросился в кухню, в угол, куда вчера сложил модели. Их не было ни на лавке, ни под лавкой, ни в сенях. Чу-

— А-а! Пропасти на него нет с его гвоздями и железками!

гунные дверцы плиты были открыты, и там жарко горел огонь.

У Вани перехватило горло.

— Мои модели? — спросил он тихо, обращаясь к матери.

— В печке твои модели!—сердито ответила мать.

— Мои модели, мои модели... — шептал Ваня побелевшими губами. Он с ужасом смотрел на мать. Светлые глаза его были широко открыты. Слезы капали на рубаху, на босые ноги.

— Писатели приехали...

И такое горе, боль, отчаяние были на его лице, что, взглянув на Ваню, мать уронила на пол мокрое белье.

Через полчаса Ваня с матерью шли в 14-ю школу. Оба были расстроены, печальны, а на лице Вани еще виднелись следы слез.

Мать поминутно поправляла платок на голове и вздыхала.

Что она скажет писателям?

Сегодня было ясно. Над городом висело небо, очень синее, будто затвердевшее от мороза. Недалеко от школы Ваня увидел на тротуаре раскатанную мальчишками дорожку, покрытую темным льдом. Хорошо бы разбежаться и с'ехать на валенках вниз. Но Ване было не до того. Он отвернулся и прошел мимо. Юные конструктора уже собирались, когда Ваня пришел в школу. Писатель встретил его как старого приятеля. Хрипя своей трубочкой, он сказал:

— Ну, Ваня, а мы тебя давно ждем. Показывай свои модели.

Но, взглянув на убитое лицо мальчика, на женщину, стоявшую рядом, он понял, что случилось несчастье.

— Нету у меня моделей, — сказал Ваня, силясь не плакать. — Она их сожгла в плите.

Писатель выхватил изо рта свою трубку.

— Ах, что вы сделали!

Мать услышала в его голосе огорчение и упрек. Юные конструктора, сбившись в кучу, смотрели на нее недружелюбно.

Все молчали.

— Родные мои, — сказала она. — Я же его люблю. Уж как мне некогда: и на работе и дома, — а сама на три рубля ему гвоздей купила. На три рубля! Сладу с ним нет. Придет к отцу в депо — по сталкам шмыгает, пробует, руки себе все ободрал. А давеча так Федор Тимофеевич из-под паровоза его вытащил. Интересуется. Того и гляди, голову ему оторвет. Все гвозди из стенок повыдергал. Прихожу я под выходной, гляжу, сидит за столом, а на столе ходики все по колесам разобраны. Я, конечно, кричу. Ходики-то пять рублей стоят! А он мне: «Не кричи, мама, я сейчас соберу». И собрал. Вот уже третью неделю ходят.

Писатель смеялся. А Ваня сопел носом и с горечью поглядывал на стол, где лежали принесенные ребятами модели.

Тут были трактора с колесами, выкрашенными чернилами, автомобили с осями, сделанными из карандашей — ничтожные вещи по сравнению с тем, что вчера еще было у Вани.

Писатель утешал его. Говорил, что в городе открывается наднях детская техническая станция, что он пришлет ему из Москвы настоящий железный конструктор, с гайками, с французским ключом.

Потом они сидели рядом за столом, и писатель читал ребятам свою новую книгу о первом пароходостроителе Роберте Фультоне. Ваня любил слушать о смелых изобретателях. И когда он услышал, что никто сначала не верил Фультону, не хотел сесть на его пароход, губы у Вани задрожали. Он вспомнил свое собственное горе. Но ничего! Фультон все-таки сделал пароход.

— И вот пароход поплыл по реке Гудзону,— прочел писатель и на мгновение остановился, чтобы глотнуть из стакана воды.

А Ваня блестящими глазами обвел ребят, закинув голову, и вдруг торжественным голосом добавил:

— ...изрыгая клубы черного дыма.

МЫ—ЮБИЛЯРЫ

Л. Кассиль

«Пионеру» 10 лет! Я горжусь этим. В этом славном деле есть и моя капля чернил.

— «Пионер» — моя родина. Поздравляя его с десятилетним юбилеем, я сам праздную собственный пятилетней юбилей в литературе для детей. Как детский писатель я, значит, моложе «Пионера» в два раза. Ему уже было пять лет, а меня еще совсем не было в литературе для ребят... Но вообще я все-таки существовал на свете. И вот однажды... Впрочем, стоп! Я, кажется, перехожу к воспоминаниям. А воспоминания, да еще юбилейные, — штука ответственная. Воспоминания бывают разные. Например вот воспоминания восторженные с подвыванием:

«Батюшки! Что делается! Товарищи! Друзья! Ребята! Читатели! «Пионеру» десять лет! Как? Не может быть! Что вы говорите! Когда он успел так вырасти. Еще вчера, как сейчас помню, он был вот такой малюсенький. Такой был шустрый. Я, помню, все хлопал его по задней обложке. А он бывало все... что, бишь, такое он говорил? Что-то очень такое интересное, только вот я забыл».

Или вот вам воспоминания мрачные и ворчливые:

«Десять лет... А что из этого? Постарели мы с тобой, товарищ «Пионер». Ты-то не очень. Ты цветешь, расцветаешь. А вот я... Десять годочков, как в аптеке. А помню вот бывало... Был журнальчик «Задушевное слово»... Такой был приличный журнал. И детки были такие приличные... Жаль только мало их пороли. Высечь бы как следует, так не захотелось бы никаких «Пионеров». А то развели политику. Это разве детское занятие. Читали бы себе про «Серого волка» и «Красную шапочку», а то ишь красные галстуки навязали. Эх, юбилейщики!..»

Или такие воспоминания деткора-неудачника:

«Дорогая редакция! Поздравляю тебя с юбилеем. Мне скоро будет одиннадцать лет. Я пишу всю жизнь стихи. Они у меня получаются здорово. Сегодня я праздную вместе с вами свой юбилей литературной и поэтической деятельности. Сегодня исполнилось 10 лет, как вы, дорогая редакция «Пионер», получили мое первое стихотворение. Его вам послала моя мама. Стихотворение было длинное, но я помню, как оно начиналось: «Бу-бу-ба, ма-ма-бдяб, Бу-бу-ва-а-а, ма-бя...»

Уже тогда я владел, как видите, сложной рифмой. С тех пор мы с вами часто переписывались. Я храню на память все ваши письма как активный деткор. Они у меня разложены по годам. И я ими очень горжусь и показываю всем. Только они очень похожи друг на дружку. Там всегда написано в начале или под конец: «Твое стихотворение печатать в журнале нельзя. В нем нет ни складу ни смысла. Ничего не поймешь... Тебе сперва надо научиться грамотно писать». У меня таких писем уже 34. Ни у кого из моих товарищей столько нет. Значит я самый активный. Дорогая редакция, у меня теперь есть сестренка. Ей уже семь месяцев. Она тоже активна и уже выдумала стишок: «Бу-ля-бям, пп-п-пу!». Когда она сочинит вторую строчку, я пошлю стишок вам в журнал. Напишите, как он вам нравится, стоит ли дальше работать насчет поэзии».

Вот видите, какие разные бывают воспоминания на юбилее. А ну-ка попробую и я вспомнить что-нибудь такое, только уж по-серьезному.

...Когда в журнале «Новый леф» Вл. Вл. Маяковского были напечатаны первые отрывки из недописанной еще тогда моей книги «Кондуит», я получил письмо от редакции «Пионера». На конверте было напечатано: «У каждого свой вкус, своя манера. Но каждый, кто безус, читает «Пионера». Усы у меня в то время росли еще неважно, и я с большим вниманием отнесся к письму. Оно было подписано Б. Ивантером. Сейчас он ответственный редактор «Пионера», а тогда Ивантер был заведующим редакцией. Он предлагал мне дать им, для «Пионера», мою повесть «Кондуит». Я, собственно, не собирался печатать «Кондуит» специально для ребят, но тут, прочтя письмо Ивантера, я сел за рукопись еще недоделанной книги, с увлечением взялся за переделку и увидел, что мне гораздо приятнее, веселее, интереснее писать для ребят. Исчезла сразу манерность, которая мне тогда казалась обязательной для «взрослой» книжки.

Я писал с жаром и увлечением. Так мне еще никогда не писалось. Я купил в киоске журнал «Пионер», залпом прочитал его, присмотрелся, как в нем пишут для ребят, послал законченные отрывки «Кондуита» в «Пионер» и стал сотрудником этого журнала, т. е пи-

сателем для ребят. Когда я вернулся в Москву, меня встретили в редакции «Пионера» очень радушно и весело. Я познакомился с редактором Разиным, с Ивантером, с художниками Купреяновым, Лаптевым, Каневским. Меня познакомили с героем «Пионера», с Кузькой, которого нарисовал Лаптев. А Каневский серьезно сказал:

— Здорово! Я у них тут за постового архиерея... А это Лаптев. Он очень сильный... Наверное одной рукой подымет тарелку с супом... У нас, знаете, какой случай сегодня вышел. Ивантер козу получил в Осоавиахиме, повел ее доить в редакцию, а она стала на Кузнецком мосту и нарушила уличное движение. Такая неприятность. Пришлось академика Иоффе вызывать. Его очень козы боятся...

Я слушал, растерянный... А вся редакция хохотала. Впоследствии я узнал, что Каневский так всегда разговаривает, перемешивая вздор с серьезными вещами... Вместе с Каневским я стал делать для «Пионера» политические фельетоны. Я писал. Он рисовал.

И я очень привязался к «Пионеру». Здесь я понял, какое интересное, трудное и большое дело быть писателем для ребят.

«Пионер» был моей родиной. Он стал для меня школой. «Кондуит» и «Швамбрания» печатались в «Пионере». На страницах его я по поручению редакции расправился с надоевшим Кузькой. Там же я гулял с Тут-Итамом, знаменитым зверем художника Каневского.

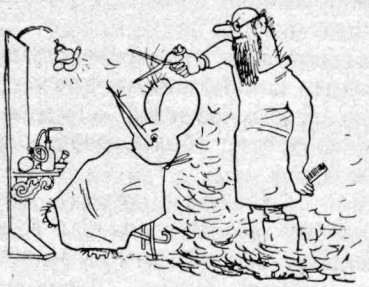
Я — член дружной семьи «Пионера», старейшего и боевого журнала советских пионеров и школьников.

Несколько недель назад я подвергся серьезной операции в больнице. Когда я очнулся после эфирного наркоза, мне очень захотелось болтать, чтобы почувствовать, что я жив. И вот что я, слабый и бледный, сказал сиделке:

— Ну вот, — сказал я, — не зарезали... Теперь я еще чего-нибудь... для ребят напишу... Книжки... и в «Пионер»...

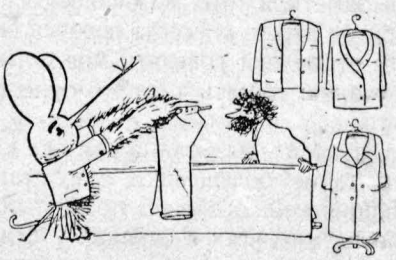
Тут я снова заснул. Это были самые первые мысли, которые возникли в вернувшемся сознании. Вот как крепко сидела в нем память о «Пионере».

Тут-Итам продолжает готовиться



Он решил зайти к своему художнику Каневскому и с ним отправиться в редакцию. Но сначала надо зайти к парикмахеру.

5.
Никогда еще парикмахеру не приходилось стричать сразу столько волос.



6.
— Простите,— сказал Тут-Итаму пораженный продавец,— на Тут-Итамов не шили, не учли юбилея... Извините... (См. стр. 9).

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ В НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ

Мне было десять лет, когда грохнула мировая империалистическая война.

Отца с первых же дней забрали в солдаты.

Помню: забежал он к нам ночью в серой шинели. Поцеловал и ушел. Бабка зажгла зеленую лампадку, и мы — трое ребятишек, стоя на коленях, крепко молились. О чем — не помню.

Мать была фельдшерицей. Я только что поступил в первый класс реального училища. Через месяц я сбежал пешком к отцу на фронт.

На фронт я, конечно, не попал и был задержан на станции Кудьма в 90 верстах от своего города.

Когда меня усталого и голодного задержали, то я и сам был рад, потому что на фронт мне уже не хотелось, а сильно хотелось домой, но самому вернуться было стыдно.

Я рос в городке Арзамасе. Там громко гудели колокола тридцати церквей, но не было слышно заводских гудков.

Заводов там не было. Зато стояли четыре монастыря и через город всегда тянулись вереницы божьих странников и странниц в знаменитую Саровскую пустынь.

Учился я неплохо. Слаб был только по чистописанию да по рисованию. В этих науках что-то слабоват я и до сих пор.

Когда взметнулись красные флаги Февральской революции, то и в таком захудалом городке как Арзамас нашлись хорошие люди.

Пристал я к ним случайно, скорее из любопытства. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. Не боялись ни торжественной церковной анафемы, то есть проклятия, которой при громе всех колоколов предавали их епископы Олег и Варнава. Не смущали их озлобленные крики всех этих мясников, лабазников, монахов и престарелых кротких инокинь, которые, покинув свои кельи, со злобой шатались по митингам и собраниям.

Позже я понял, что это за люди. Это были большевики.

Но что такое большевик, по-настоящему понял я только намного позже.

Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто бы не дурак, и всегда верчусь около.

Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то.

А я бегал, относил, вызывал, а сам все слушал и слушал. И кто такие большевики, мне становилось все понятней и понятней, особенно после того, как побывал я с ними на митингах в бараках у беженцев, в лазаретах, в деревнях и у деповских рабочих.

Но самое большее доверие мне было оказано тогда, когда в октябре 1917 г. разрешили мне взять винтовку и послали меня при двух патрульных третьим — для связи.

Я ушел в Красную армию в ноябре 1918 г., когда мне не было еще 14 лет.

Я был рослым, крепким мальчишкой и вскоре после некоторых колебаний меня приняли на 6-е киевские курсы красных командиров.

Аркадий Гайдар—командир полка

В конце концов вышло так, что четырнадцати с половиной лет я уже командовал 6-й ротой 2-го полка бригады курсантов на Петлюровском фронте. А в семнадцать лет был командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом,—это на Антоновщине.

Вышел я из армии в декабре 1924 г., потому что заболел.

Когда меня спрашивают, как это могло случиться, что я был таким молодым командиром, я отвечаю: это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто *обыкновенная биография в необыкновенное время.*

Потом я стал писать. Сначала я написал повесть «В дни поражений и побед». Когда я показал ее писателю Федину, то он сказал мне: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Тогда я стал учиться. Учили меня: Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно много Сергей Семенов, который буквально строчка по строчке разбирал вместе со мною все написанное, об'яснял, критиковал и помогал.

Лучшими своими книгами я считаю: «Р. В. С.», «Дальние страны», «Четвертый блиндаж» и «Школу». В «Школе» очень много написано о том, как Борис Гориков, такой же как я мальчишка, попал на фронт и что он там видел, что он там делал и чему научился.

Худшая моя книга—это «Всадники неприступных гор». Она какая-то недоделанная и, главное, манерная.

А писать надо только искренно, потому что сколько ни подлаживайся, ни манерничай, умный читатель всегда угадает и не поверит.

В журнале «Пионер» печататься начал я недавно. Это, конечно, моя ошибка. Нужно было начать раньше. Журнал веселый, боевой, с крепким читательским активом. По высказываниям ребят, по письмам в редакцию очень и очень полезно бывает проверять *свою работу.*

Как-то подошел ко мне один мальчуган и говорит:

— Вот у вас в «Пионере» печатается повесть «Синие звезды», а мне не нравится.

— Что же,—спрашиваю я,—тебе там не нравится?

— А то не нравится, что прочел я первый номер журнала, а что дальше с Кирюшкой будет — этого я и не знаю.

— А хочется узнать?

— Очень, — откровенно сознался он. — Вот все хожу и думаю, что же такое дальше будет? Хоть бы скорее второй номер выходил.

Улыбнулся я тогда и думаю: «Ну это еще не беда, если тебе *так* не нравится».

Устроила редакция «Пионера» мой творческий вечер, тоже было неплохо, и услышал я для себя немало важного и полезного.

Сейчас я работаю над повестью, которая называется «Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смычке, о пионерских отрядах и еще много о чем другом.

И наконец вы уже читаете в «Пионере» последнюю мою вещь, это «Синие звезды». Прочтете, пишите как понравилась.

Что буду писать дальше — пока не знаю. Но во всяком случае постараюсь написать такую повесть, чтобы не стыдно было прочесть ее и в том прекрасном будущем, что зовется социализм, в котором надеюсь долго прожить и я, а вы-то, ребята, проживете и подавно.

— Какой замечательный Тут-Итам!—ахали прохожие на улице *(см. стр. 13).*

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

(Продолжение)

А. Гайдар

Рис. Ф. Полищук

Утром Кирюшка побежал к деду Пантелею.

После вчерашнего паводка возле избенки сверкали лужи. Проломанный плетень был смят и повален. Повсюду валялась щепа и торчали косматые охапки еще мокрой соломы.

Пригретые ясным солнышком, суетливо бродили по грязи хлопотливые куры. Из стойла высовывал морду добрый теленок, и даже злобный рыжий кот, и тот, ласково жмурясь, тихо полз по крыше, подбираясь к стайке беспечно горланивших воробьев.

У крыльца седая и уже не сердитая бабка развешивала широкие дедовские штаны. А сам дед Пантелей кончал запрягать лошадь.

— Пришел,—улыбнулся дед Пантелей.—А я смотрю, что не идешь? Или, думаю, не придет, да нет, думаю, должно быть, придет. Погода-то нынче вон какая.. Светлая. Ну садись. Как тебя звать-то?.. Кирилл?.. Залезай, Кирила, на телегу. Поехали...

И как только выехали в поле, пахнуло таким непривычным, невиданным простором, что Кирюшка сразу притих.

— Слышишь?—спросил дед, корявым пальцем указывая в небо.—Глянь-ка вон туда, под облако... Гурлы... Гурлы. Это дикие лебеди-кликуны потянули.

Задрав голову, долго смотрел Кирюшка, как высоко-высоко, под самыми облаками, вытянув прямые длинные шеи, плавно и стремительно летела стая больших белых птиц.

«Как же это так?—задумался Кирюшка.— Был завод, школа, отец, мать, знакомая улица, автобус № 5, трамвай № 17,—а сейчас никого рядом и ничего».

И потому, что рядом не сидел даже Матвей, который был все-таки свой, городской, Кирюшке вдруг как-то почудилось, что вот уже поехал и он не в Чарабаевскую рощу за ракитовой лозой, а тронулся в какой-то новый и далекий путь.

Тогда он сощурил заслезившиеся от солнца глаза, и стало ему грустновато.

«Эх, папка, папка!— укоризненно подумал Кирюшка.—И что тебе стоило немного, ну совсем немножечко подвинуться, а не стоять на том самом месте? И тогда пролетели бы разорванные кирпичи мимо или еще в кого-нибудь».

Он вздохнул. Но тотчас же вспомнив, что если бы отец не стоял на том самом месте, у парового молота, то там обязательно стоял бы кузнец Матвей.

И Кирюшке стало жалко Матвея, он сейчас же захотел, чтобы и Матвей тоже подвинулся.

Но если бы не стоял Матвей, то встал бы туда Иван Караулов, девчонка у которого, Катюшка, была веселая, черноволосая, и это ей он, Кирюшка, подарил однажды хорошее, но только немножко червивое яблоко.

Тогда ему стало жалко и отца, и Матвея, и Ивана, и еще кого-нибудь, кто обязательно стоял бы на этом месте, потому что это такое твердое место, где всегда кто-нибудь должен стоять. И, конечно, стоит кто-то уже и сейчас.

«Нельзя всем двигаться,—смутно решил Кирюшка.— И я бы тоже не подвинулся. Раз поставили—значит, стой!»

— Что, Кирила, задумался? — окрикнул дед Пантелей.— Вот она и Чарабаевская роща. Помещик тут раньше жил, Константин Ермолаевич Чарабаев. Гордый был человек... Сильный. Беда, сколько земли поднимал.

Это заинтересовало Кирюшку. Он и сам, бывало, в цирке видел, как поднимают гири, видел, как поднимают людей. А однажды видел даже, как один молодец взвалил себе на спину невысокую лошадку. Но чтобы землю поднимали, этого он еще не видел никогда. Как ее поднимешь, в мешки насыпать, что ли?

— И сколько он поднимал?— осторожно спросил Кирюшка, недоверчиво посматривая на старика.

— А вот сколько. Вон, под солнышком, вроде как бы гору видишь? А теперь гляди дальше, за речку, туда, где наши трактора идут. А теперь глянь в ту сторону, до самого края, где чуть-чуть лес синеет. Это все его земля была. Но теперь поворотн голову назад и смотри как раз от речки до того села... до Балаихи, —это и был наш деревенский куток. Вот, брат Кирила, как тебя по батюшке-то величать, не знаю, так-то и жили.

Старик неожиданно рассмеялся, подстегнул конька, и телега весело вкатилась в Чарабаевскую рощу, из-за голых деревьев которой уже виднелись развалины старой барской усадьбы и невысокая церковка с покосившимся крестом, та самая, которую заметил Кирюшка еще вчера, перед закатом.

★

Прямо за одичалыми развалинами, цепляясь один к другому, раскинулись заглохшие и заболоченные пруды. По берегам густо разрослись вербы, ольха и ракитник.

Дед Пантелей дал и Кирюшке острый нож. Он показал, какая нужна лоза и как ее срезать, чтобы не обрезаться. А так как мудреного в этом было мало, то Кирюшка с азартом полез в самую гущу.

Через час работы на телеге лежала большая груда гибких пахучих прутьев.

Дед Пантелей показал Кирюшке, какая лоза нужна.

— За глаза хватит. Довольно! — скомандовал раскрасневшемуся Кирюшке дед Пантелей.—Давай, садись, отдохни. Да и я сяду, табачку закурю. А то на ходу курить тряско.

Но Кирюшке не сиделось. Пока старик поправлял воз, пока он свертывал да закуривал, Кирюшка шмыгнул на узенькую тропку и вскоре очутился перед развалинами чарабаевского имения.

Одиноко и печально торчали потрескавшиеся стены. Повсюду валялись поросшие травой кирпичи. Тяжело бабахнувшись, лежала расколотая и наполовину вросшая в землю каменная колонна. Тут же, неподалеку, высилась уцелевшая колоколенка без колоколов и небольшая церковь с тяжелой дверью, на которой вместо замка был замотан узел ржавой проволоки.

Рядом с кучей муравейника валялась чья-то позеленевшая мраморная голова, но без уха, с отбитым кончиком носа. И по этой, неживой голове тихо лазали только что выползшие после зимовки, еще полусонные муравьи.

Так же как путешественник, который задумчиво останавливается перед обломками древних гробниц, перед руинами средневековых башен, так и Кирюшка, который слыхал о помещиках только по рассказам, с молчаливым удивлением рассматривал остатки этой самой обыкновенной барской усадьбы: так вот где они жили...

Он постучал носком о выступ скользкого крылечка и провел пальцем по холодной истрескавшейся стене.

Заслышав шорох, он обернулся и невдалеке от себя увидел человека.

Человеку этому было лет под пятьдесят. Бородатый, сутулившийся, с тяжелой дубинкой в руке, он стоял, прислонившись к стволу гнилой липы, и, повидимому, уже давно наблюдал за Кирюшкой.

— Сторож,— подумал Кирюшка. Но так как он никуда не залез, ничего не украл, то безбоязненно посмотрел на незнакомого человека.

— Видать, не здешний парнишка?—негромко спросил человек и, подойдя поближе, он сел на каменную ступеньку.

— Нездешний,—подтвердил Кирюшка. — Мы с дядем Матвеем из города приехали.

— В Малаховку, что ли? — и, не дожидаясь ответа, чернобородый неожиданно попросил:

— А что, паренек, у тебя покурить нет ли?

— Так я еще малый,—с негодованием ответил покрасневший Кирюшка.—Разве же такие курят!

— Всякое бывает! Бывает нонче, что и такие. Кто вас разберет?

— Это только хулиганы курят, — убежденно возразил Кирюшка. — А разве я хулиган? — Он подумал, запнулся и уже с задором добавил:— Я пионер, а не хулиган. А, правда, дядя, есть в нашей школе один Павлушка Кукушкин, и стал он курить, а мы его взяли да из пионеров и выгнали.

Кирюшка остановился, ожидая что за это толковое рассуждение незнакомец похвалит его или просто улыбнется.

Но угрюмый человек не похвалил и не улыбнулся. Внимательно посмотрел он на Кирюшку и не сказал ничего.

Это не понравилось Кирюшке, он захотел тотчас же отправиться восвояси, но все-таки задержался и услужливо предложил:

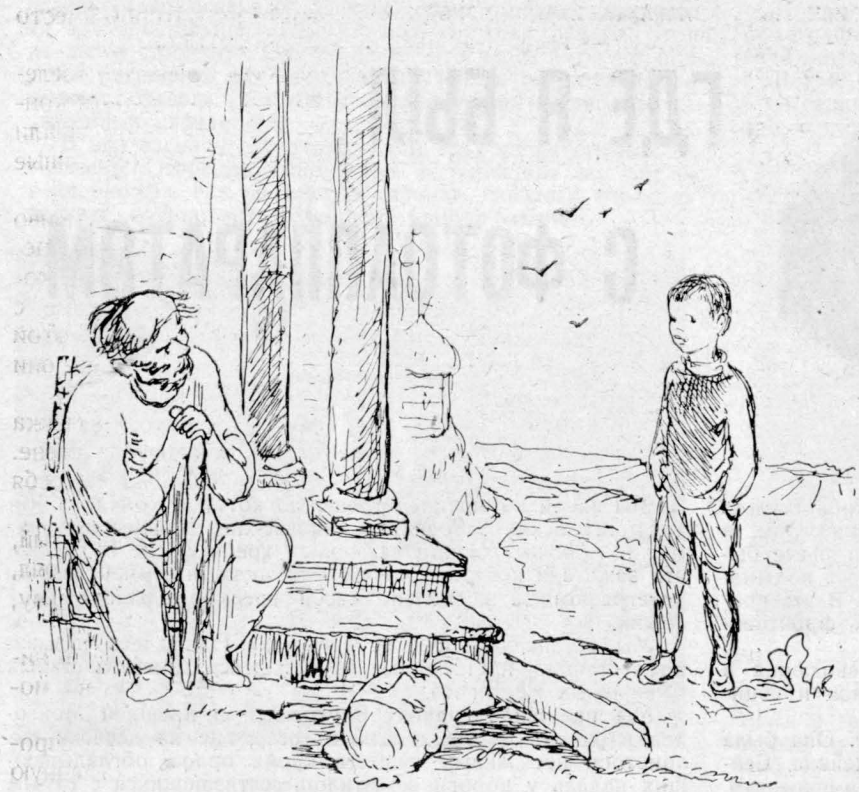
— А вы, дядя, пойдите со мною да у деда Пантелея попросите. Он тут, рядышком, возле лошади. Мы с ним лозу резать приезжали. Он как раз сидит возле телеги и курит.

— Это какой Пантелей? Малаховский?—быстро переспросил бородатый человек.

— Малаховский. Он живет, да бабка, да больше у них никого. У них, дядя, вчера избу чуть-чуть льдом не сдернуло.

Бородатый постоял, повидимому, раздумывая, пойти или нет в ту сторону, откуда уже дед окликнул Кирюшку. Потом, не сказав ни слова, бородатый повернулся и быстро пошел через кусты в противоположную сторону.

— Тоже курильщик...—подумал обиженный Кирюшка и вприпрыжку побежал к поджидавшему его деду Пантелею.



Кирюшка увидел незнакомого человека.

На обратном пути они встретили целый обоз. На передней подводе сидели Калюкин и Сулин.

— Нарезали?—еще издалека заорал Калюкин, увидав телегу с грудой лозы.—Ну давай, давай, дедушка, плети, поторапливайся.

— Все в акурат будет,—не спеша ответил дед и, сняв шапку, поклонился Сулину. — Далеко ли, Александр Моисеевич, поехали?

— В Каштымово, старик. В Каштымово...—ответил Сулин и, подмигнув Кирюшке, спросил:

— Что, брат, и ты трудодни зарабатываешь? Ну работай, работай... Это тебе не с пионерами трубы трубить.

«И что тебе дались эти пионеры?»—подумал смутившийся Кирюшка. Но пока он искал, что ответить, кони дернули, и весь обоз со стуком и грохотом прокатил мимо.

— Вес-селый человек, — задумчиво пробормотал дед Пантелей. — Баа-льшая голова.

Справа, на залитых лугах, два рыбака ставили мережи. Лодчонка у них была маленькая, вертлявая, и Кирюшке казалось, что вот-вот она опрокинется.

— Ничего им не сделается, — об'яснил дед Пантелей. — Это старик Сидор и Ермила хромой. Они сроду к воде привычные. Ермила-то вовсе без одной ноги. Ногу ему в солдатах оторвало. А как плавает! Одной ногой по воде тырк, тырк, да так затыркает, что иной и с двумя за ним не угонится.

— Дедушка?—спросил Кирюшка, вспомнив про вчерашнее.—А кого это на островке водой захватило? Он бежит, бежит, добежал, повертелся да как кинется, а лед хрр... хрр... А зачем он, дедушка, в ту сторону кинулся? Я бы в эту, а он в ту...

— А кто его знает? Ошалел, должно быть, человек. Я и сам не разберу: охотник—не охотник. Рыбу у нас там тоже не ловят. И жилья там никакого нет, только что оставался шалаш от покоса. Кто его знает?—отказался догадываться старик.— Кто-нибудь чужой, а не наш деревенский.

Они под'езжали к Малаховке. С треском и лязгом навстречу выкатил трактор. Лошадка шевельнула ушами, скосила глаза и, раздувая ноздри, зафыркала.

— Здорово, дед Пантелей, счастливый человек!—озорно крикнул молодой кудрявый тракторист и крутанул рулем, уступая дорогу.

— Здорово, Михайло Бессонов, непутевая голова!—сердито ответил старик и стеганул заупрямившуюся лошадь, чтобы бежала быстрее.

— Это и есть Мишка Бессонов?—спросил Кирюшка, вспомнив вчерашние калюкинские ругательства.

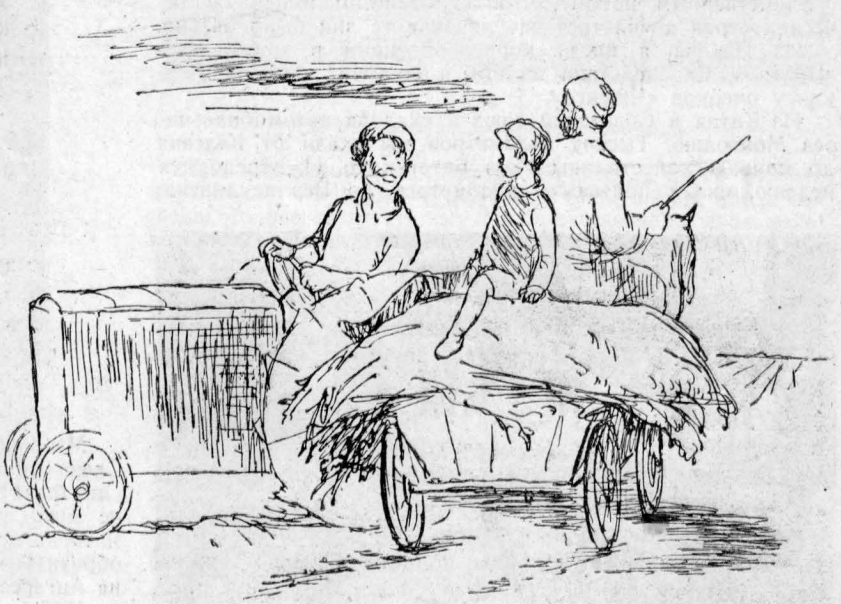
— Он самый, — с сердцем ответил старик.—И всем бы хорош... И сам собой и в грамоте силен. А вот, пойди ты... Такой оголтелый! На рождество достал он где-то, пес его возьми, монашью рясу, нацепил под клобук волосы и приходит в избу. Стал у порога и славит: «Рожество твое, христе боже наш, воссияй миру свет разума...» Ну, кончил славить. Поздравил с праздником... Я, конечно, и говорю старухе: проси к столу, как заведено, закусить, конечно... выпить. Выпил он стопку, выпил другую, поклонился да и марш дальше. А потом, когда моя старуха узнала, так чуть меня со свету не сжила. А я-то при чем? Ну монах, думаю, и монах.

Но Кирюшка, которому очень понравилось такое забавное дело, громко рассмеялся. И вдруг ему показалось, что, может быть, этот Мишка Бессонов вовсе уж не такой плохой человек.

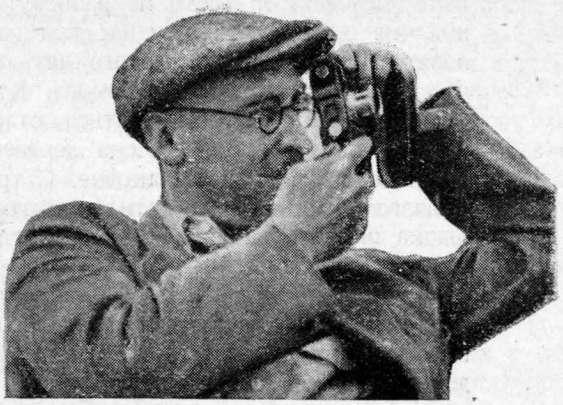
Улыбнулся и дед Пантелей. Он погрозил Кирюшке кнутовищем и, останавливая лошадь, сказал:

— Ну, я здесь отверну. А ты беги. Приходи в другой раз... корзины плесть научу. Да только смотри: в избу в шапке не заходи, а то у меня бабка, беда, какая строгая. Сразу выгонит.

(Продолжение следует).



— Здорово, дед Пантелей, счастливый человек!—озорно крикнул молодой кудрявый тракторист и крутанул рулем, уступая дорогу.



ГДЕ Я БЫЛ С ФОТОАППАРАТОМ

С. М. Третьяков

Было лето 1923 г. Я работал в театре Пролеткульта вместе с Сергеем Эйзенштейном. Он был режиссером, я писал ему пьесу «Слышишь, Москва?!». В этой пьесе было про германских фашистов и рабочих, которые подымают восстание во время фашистского праздника. В это время по Германии множились дружины красных фронтовиков.

Мы ждали, что осенью вспыхнет новая революция в Германии, которая сметет фашистских генералов и социал-демократических министров.

Как раз в это время я получил телеграмму. Она была из главного города Китайской республики — Пекина. Сейчас вы этого города не найдете. Он уже переименован в Бейпин. Этой телеграммой меня приглашал Пекинский национальный университет читать студентам-китайцам лекции по русской литературе.

В феврале 1924 г. я выехал в Пекин.

В Китае я был полтора года. Изо дня в день я наблюдал, как он живет, присматривался, чем дышат китайские студенты, отмечал первые озлобленные вспышки гнева темных китайцев против угнетателей: так солдат Ли Июань, которого избили за то, что он попытался прогуляться в Пекине по городской стене, прилегающей к посольскому кварталу, избил в отместку нескольких европейцев.

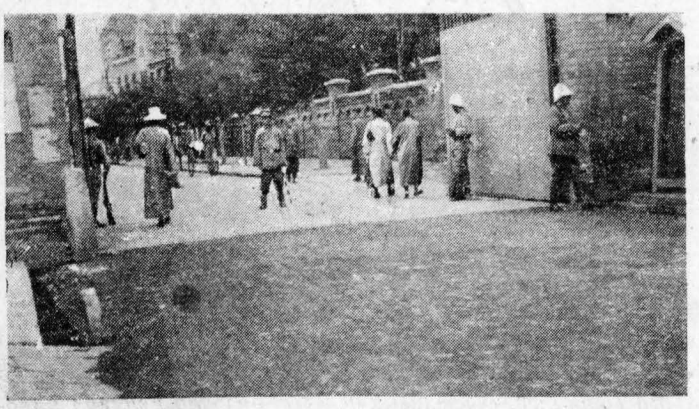
Я был в Пекине, когда вокруг него велась генеральская война и на улицах города стояли баррикады из повозок. Встречал Сун Ят-сена, приехавшего в Пекин. А через месяц Сун Ят-сен умер, завещав Китаю держаться крепко за своего вернейшего друга — за Советский союз.

Я со своим фотоаппаратом был в толпах пекинцев, хоронивших вождя китайской революции, а потом, когда японцы и англичане в Шанхае расстреляли безоружных рабочих и студентов, я был чуть ли не единственным журналистом, который осмеливался появляться на кипящих гневом улицах Пекина, где шли демонстрации против империалистов, бившиеся о стальные, в те дни закрытые караулами ворота посольского квартала.

Единственным потому, что журналистам империалистических стран появляться на улицах в те дни было опасно.

Из Пекина я писал корреспонденции в московскую «Правду». Впоследствии из них я составил первую мою книгу очерков «Чжунго».

Из Китая в Советский союз я ехал на автомобиле через Монголию. Тысячу километров мы ехали от Калгана до монгольской столицы Улан Батор-хото. И, передохнув неделю, ехали полтысячи километров до Верхнеудинска.



Стальные ворота посольского квартала.

Мы ехали по древней тропе, по которой ходил на Китай монгольский завоеватель Чингис-хан. Аппарат мой снимал и глиняные башни на горных хребтах, где в древности зажигали костры в случае опасности, и этим огненным телеграфом за несколько часов предупреждали о беде Пекин.

Мы останавливались на «станках» (так здесь называются станции, построенные из ссохшейся глины и старых бензиновых жестянок).

Мы пересекли границу Внутренней и Внешней Монголии в районе мертвых соляных озер, где на десятки километров нет живых существ кроме орлов, обгладывающих падаль у дороги, и антилоп, состязающихся с самым быстрым автомобилем.

Потом мы увидели «цириков» — бойцов монгольской армии, монгольских комсомольцев и пионеров, и в столице Монголии встречали прилетевшую из Москвы эскадрилью самолетов, проделавших великий перелет: Москва—Пекин.

„Цирики"—бойцы монгольской армии.

Мы ехали в Верхнеудинск вдоль реки Селенги. Слева от нас синело в горной котловине озеро Гусиное. Оно было красиво в те дни только своей сиреневой. Мы еще не знали, что оно красиво своими алюминиевыми рудами. Я тогда не думал, что мне придется через пять лет снова обратиться мыслью к этому озеру, собираясь в поездку на Ангарстрой.

1927 год кинул меня в Закавказье. Я работал в грузинских киноорганизациях. Под Тифлисом только что выстроилась электростанция ЗАГЭС. Электричеством ЗАГЭС

ослепительно осветился Тифлис. Злые остряки вышучивали электростанцию: «Некуда, мол, ее тока девать. Стоило ли ее строить?». Они не знали, что через пять лет придется расширять эту станцию, а Тифлис значительно потемнеет, отдавая весь ток моторам фабрик и заводов, выстроенных пятилеткой.

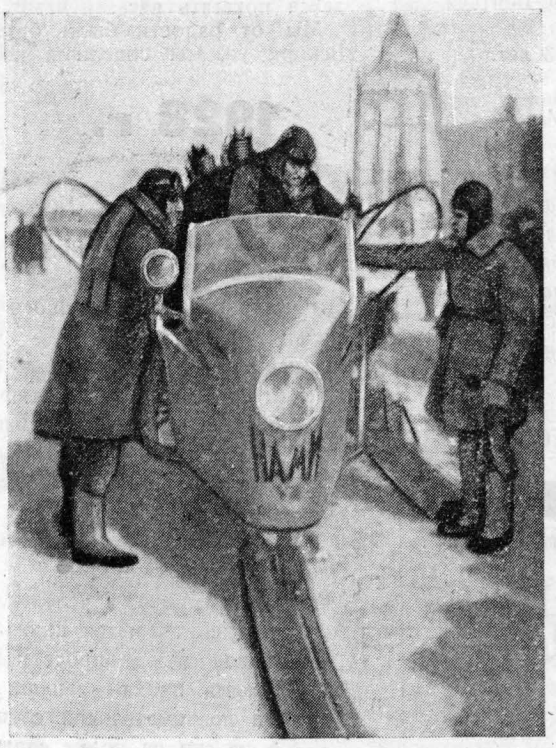
В это время я попутешествовал по горным странам Закавказья. Особенно запомнилось путешествие по ущелью реки Ингура, где на крутых склонах снежных гор стоят древние башни интереснейшего народа—сванов.

В горах Сванетии.

Пришел 1929 год. В студеные февральские дни отправлялись в пробный кольцевой поход новосозданные нашими конструкторами машины для стремительных зимних поездок — аэросани.

Холод был 35 градусов. При беге 70 км в час эта стужа в открытых санях повышалась градусов до 60. Мы шли дорогами, с'езжали на рыхлую целину, спускались с гор, вылетали на речную гладь, и на реке нас постигла катастрофа, в которой, к счастью, не погибли наши товарищи. Двое саней ночью провалились в Волгу там, где теплые воды, шедшие с береговых фабрик, подточили лед.

Начиная с 1928 г., я пошел на работу в колхозы. Не для того, чтобы мельком взглянуть на них, написать книгу и уйти, а для того, чтобы, войдя в их жизнь, не выпускать их из виду и, наблюдая год за годом, рассказывать во многих книгах, как они живут, борются, растут и выходят к социалистической жизни.

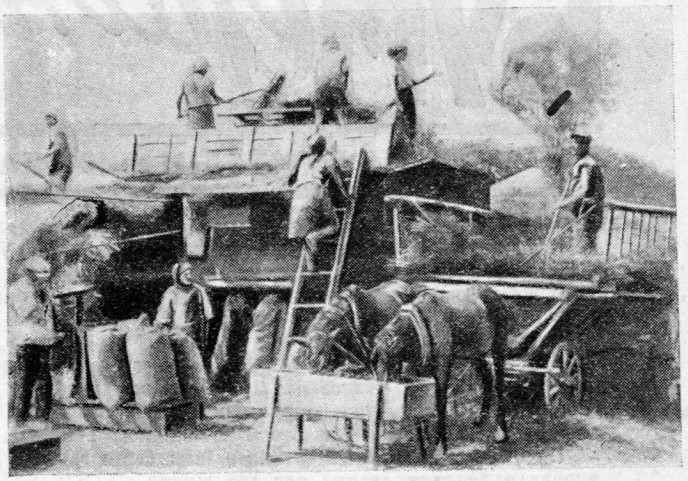


Аэросани перед стартом.

Я уже написал три книги о колхозах. Если посчитать фотографии, снятые мною там, их, пожалуй, будет тысячи четыре.

В 1930 г. моему фотоаппарату задала работы заграница.

Я ездил по Германии, Дании, Австрии и читал доклады про колхозы и про работу советского писателя. Я знако-



Колхозная молотьба.

мился с зарубежными революционными писателями, писал очерки про то, что я вижу, изучал заграничную деревню, чтоб сравнить ее с нашим советским селом, наблюдал, как нарастает фашизм и как от него отбивается пролетариат. Я снимал все: встречных людей, движение на улицах, витрины магазинов, афиши на столбах, демонстрации, лотки торговцев, кладбища.

Сразу же, приехав из Китая осенью 1925 г., я попал на страницы журнала «Пионер» и с этого времени прочно прижился в пионерской литературе.

Демонстрация германских работниц.

Тем, что работаю в пионерской прессе, я очень доволен и работа эта мне много помогает. Дело в том, когда пишешь, то всегда, пусть смутно, представляешь себе какого-то условного читателя. Так вот, когда я пишу, то условного читателя я представляю себе в виде очень активного, любознательного, изобретательским электричеством заряженного пионера в возрасте примерно четырнадцати лет.

Когда мне говорят, что это может снизить литературный уровень вещи, я рассказываю про свою китайскую поэму «Ли-ян упрям». Написал я ее в 1926 г. для пионерской книжки по заданию изд-ва «Молодая гвардия». Но вещь эта попала в редакцию «Правды» и была там принята и напечатана как самая что ни на есть взрослая вещь.

С «Пионером» дружу охотно и дружба эта обоюдная. То интересное в пионерии, что мне встречается на моем литературном пути, юнаты ли, моделисты, колхозные дозорные, обычно несу страницам «Пионера».

И, наоборот, «Пионер» связывает меня с интересными ребятами (школьниками, деткорами), с некоторыми из них переписываюсь издавна и систематически, следя за тем, как они растут.

Юбилейный

БУМЕРАНГ

МАРТ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА"

Несколько лет назад редакция завела внутри журнала газету. Она называлась «Бумеранг».

К юбилею мы вспомнили про эту газету и решили выпустить необыкновенный номер «Бумеранга». Такой, чтобы в нем участвовали деткоры всех десяти лет журнала.

Этот «Бумеранг» перед вами, в нем встречаются деткор Яша С. с деткором Петей Козловым. Деткору Яше С. теперь двадцать три года, Пете Козлову только тринадцать. Их разделяет десять лет и соединяет «Бумеранг» в своем юбилейном выпуске.

По этим заметкам вы увидите, чем были заняты деткоры «Пионера» в течение десяти лет его жизни.

Десять лет его жизни пройдут перед вами в письмах его деткоров.

1924 г.

ЛЕНИН

Нет такого уголка, где бы не знали вождя пролетариата, сильного, смелого, бодрого, находчивого, умного Ленина.

В Италии маленькие мальчики на улице пишут углем имя Ленина.

Ленин был способный и стойкий. Жил небогато, по-пролетарски и был жизнерадостный.

Притом Ленин был самый гениальный человек. Он имел большую способность заранее понимать, что будет с пролетариатом. Он говорил, что каждая кухарка должна уметь управлять государством.

Раньше, когда он жил, я был уверен, что если германская революция не удастся и буржуазные страны пойдут на Россию, то Ильич больной встанет с постели и будет бороться до последней капли крови. Вот как, думал я, жертвует собой Ильич. Такими же должны быть и мы, товарищи, так думал я, когда мы вырастем и окрепнем, а он еще больше состарится.

Но теперь тело его умерло, а дело живет. И не нужно бояться без Ильича.

ЯША С., 13 лет.

1925 г. *ТЕЛЕГРАММА ПИОНЕРУ*

В Верхоянске, самом холодном пункте земного шара, состоялось организационное собрание отряда юных пионеров-якутов. Ребят приветствовали местные организации. Отряд комсомола преподнес знамя. Вступило 31 человек. Первый верхоянский отряд шлет привет всем братьям-пионерам, старшим товарищам-комсомольцам и коммунистам.

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ПЕСТУН

1926 г.

КАК МЫ ЖИВЕМ

Мне хотелось бы познакомить вас с той работой пионеров г. Харбина, которая протекала в январе 1926 года. Работа идет и, можно сказать, даже хорошо, несмотря на то, что «Черное кольцо», «Орел», «Мушкетеры», «Крестоносцы» и другие белогвардейские отряды избивают юных пионеров г. Харбина ежедневно.

Был такой случай. В 12 часов дня из квартиры, где раздавались рабочие бюллетени, вышли два пионера. За пазухой у них было много летучек, уже больше половины они роздали. Давали прямо в руки, засовывали в ручки дверей, в автомобили и т. д.

Но вот на углу одной большой улицы ребята остановились и стали читать об'явление о цирке. В это время одна прокламация попала в полицию, и ребята были пойманы на улице. Привели в участок, посадили. Сидели два дня; плохо кормили, били и т. д., на третий день вызывают на допрос.

— Как вы попали? Кто дал?

Пионеры, конечно, не говорят, чтобы не предать организацию. Один придумал, говорит:

— Дядя дал 20 коп. и говорит: «Разнесите!»

Таких случаев много, их всех не описать. Но мы, пионеры г. Харбина, после каждого такого случая все больше спаиваемся для дальнейшей борьбы.

Ш. БРЕЙГЕР
Харбин.

1927 г. ВПЕРВЫЕ НА АЭРОПЛАНЕ

Однажды влетает к нам наш знакомый пионер.

— Ребята, пошли на аэродром, прилетел пассажирский самолет, может удастся...

Мы моментально хватаем членские билеты, и не прошло двадцати минут, как уже были на аэродроме. Тут же стояла кучка народу. Мы подошли к аэроплану: четырехместный, новый, темнозеленый, с красным пропеллером. Мы подошли к летчику, но не знали, как начинать.

— Что, ребята, хочется покататься? — обратился он к нам.

— Да еще как,— отвечали мы.

— Замерзнете! — шутил летчик и спросил: — А вы члены ОДВФ?

Моментально 3 билета высунулись из карманов.

— Ну, так. Верно. Что ж, придется покатать вас.

Мы от радости были без ума. Вскоре уж мы сидели в каютке, прижавшись друг к другу: было страшно. В каюте было тепло. Летчик также влез. Пропеллер затрещал, и нас стало немного покачивать... Через минуту мы почувствовали, что поднимаемся. Я взглянул вниз. Мы летели над домами, деревьями, крышами. Аэроплан поднимался все выше и выше. Мы смотрели вниз. Было и жутко и весело. Люди маленькие как жучки ходили, слышался звон колокола. Мы были на высоте 460 метров. Аэроплан стал спускаться к цели поездки — к складам с бензином. От аэродрома до складов, если считать по птичьему полету, было несколько верст. Я взглянул вниз и отпатрился: мы летели вниз, земля становилась все ближе и ближе. Казалось, мы вот-вот разобьемся. Я зажмурил глаза. Заскрипели полозья — мы были на земле.

С. ШОЛОХОВ. ТАМБОВ

1928 г.

В школах многие ребята, „чтобы не забыть", записывают теоремы, названия рек и т. д. на руках. (Факт)

Это не рисунок допотопного человека,
Знаки эти не иероглифы,
Написаны они не до X века,
Писали их не варяги, не скифы.
Это не что-нибудь неизвестное,
А это просто рука,
Это изобретение, очень интересное,
Современного ученика.
Разве запомнишь названья всех рек?
Плохая память слишком.
Ученик не машина, а человек,
А мозг — не раскрытая книжка.
Вывод отсюда прост и ясен:
Память плоха — запиши в тетрадку.
Да повнимательней слушай в классе,
А не спи на уроке сладко.

ДЕТКОР СЕРГЕЙ ЛАРИН

1929 г.

ТИГР В ЛЕСУ

28 мая я пошел с ведром к колодцу. Вдруг вижу бежит Петька Юшин, пастушонок, и кричит. Повысыкивал народ, давай спрашивать, в чем дело и почему он бросил стадо. А Петька говорит, что из лесу выскочил большой полосатый зверь и дерет телушку.

Тут собрались наши охотники, похватали ружья и пошли смотреть. А один поехал верхом на лошади.

К вечеру все охотники вернулись и привезли с собой убитого полосатого зверя, который оказался тигром. А только тигр сожрал телушку и того коня, на котором ехал один охотник, сильно подрал.

На другой день все узнали, что этот тигр убежал из клетки, из поезда. Его везли из Москвы в Ленинград, чтобы увезти заграницу.

Деткор ПЛУГ.

8.
И это на новый костюм, на прическу!!! (См. стр. 19).

1930 г. РАЗОБЛАЧИМ КУЛАКА

Деткор Миша живет в Торопецком районе, Великолуцкого округа.

Вот что он нам рассказал:

«В колиховском сельсовете нашего района кулаки распустили слух о том, что пионеров будут резать. Ну, пионеры не испугались. Они знают, как узнавать классового врага. Прошу редакцию рассказать о классовых врагах. Мы, пионеры, должны ненавидеть классового врага, раскрывать его махинации и против кулацкой агитации как и против всех врагов выступить дружной семьей.

МИША ПТИЧКИН»

1931 г. ДЕТСКАЯ УЛИЦА

Ребята должны жить отдельно от родителей с самого рождения. Но для них не надо строить отдельных городов (там они стали бы отходить от жизни взрослых), для них надо строить отдельные улицы.

Вся детская улица должна находиться в большом саду (деревья будут очищать воздух), и здесь можно хорошо проводить свободное время, можно проводить игры. Тут же, в саду, на поляне, должна быть организована детская площадка для игр. Ребятам нужен огород, где бы они могли применять физическую силу. На нем ребята будут проводить на практике то, что они проходят на занятиях: тут они будут учиться управлять машинами, тракторами, жнейками и т. п.

Надо организовать дома, где кроме игр можно провести хорошо свободное время, а именно: клуб, кино, уголок живой природы, музеи и т. д. В музеях ребята будут содержать чучела разных птиц, скелеты разных рыб и все, что они сами находят очень редко.

Ф. МИЛЬКОВ

1933 г. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС В ТРЕТЬЕЙ ФЗУ

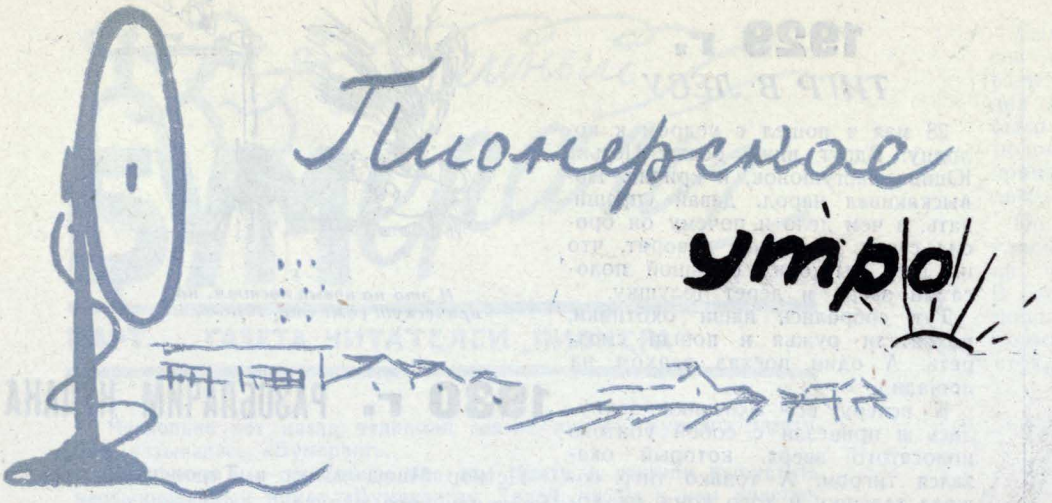
Длинные столы торжественно вытянулись в зале; цветы, бюсты и портреты вождей рабочего класса украшали сцену, а за столами — «делегаты» конгресса: «французы» из VIII группы «А», «немцы» из VII «Б», «англичане» из VII «А». И среди них — маленькие пионеры из латышской школы Бауманского района, дети революционеров, бежавших от террора в нашу страну. Гарри Айзман, которого разыскали и привезли «американцы» из второго отряда.

Гарри Айзман — ученик ФЗУ завода им. Сталина, но он много может рассказать об Америке. Он в ней родился, вырос, он там сидел в тюрьме, он оттуда был выран благодаря протесту пионеров всего мира.

И Гарри рассказывал много и интересно, и делегаты «конгресса» слушали в глубокой тишине.

К конгрессу собрали в школе 3 640 пятачков, 780 пятачков по первой базе.

9.
— Скорее к Каневскому на 9-10 стр.!



Стихи Н. Асеева
Рис. Ф. Полищук

По утрам,
по утрам,
Разрывая тишь молчанья,
Кто приходит в гости к нам?
Голос радиовещанья.
«Вставайте, вставайте!
Вас утро ждет,
Не жми подбородок к колену,
Кто весел и молод — не медлит тот
Расти в большевистскую смену!»
По утрам, по утрам
Белый пар взбивает чайник
И летит по всем углам
Голос радиовещанья:
«Вставайте, вставайте!
Вас ветер ждет,
Не жми подбородок к колену,
Кто весел и молод — не медлит тот
Расти в большевистскую смену!»

День открыл свой свежий рот,
Небо в зареве веселом:
Вас вода и мыло ждет,
Ждут учебники по школам.
День открыл свой свежий рот.
В небе звезды молча гаснут
И заря стоит во фронт,
Пионерский вздевши галстук.
По сугробам огоньки,
Кто проснулся — смотрит в оба,
Ждут салазки, и коньки,
И веселая учеба.
Ждет советская земля,
Ждут колхозы, ждут заводы,
Ждут пригорки и поля,
Горы ждут, леса и воды.

Раньше жизнь была плоха,
Рано люди были седы,
Встарину по петухам
Просыпались наши деды.
Под щекой — соломы клок,
Тяжело вставалось раньше,
И старинный петушок
Под окном кричал и клянчил:

«Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно,
Попроворней одевайтесь,
Смотрит солнышко в окно».

Но ходить по школам
Невозможно голым!
А сапог имелась
Пара на троих,
Потому ребятки
Жили в беспорядке,
Книжек не имели
И не знали их!

«Вставайте, вставайте!
Страна вас ждет,
Не жми подбородок к колену!
Кто весел и молод — не медлит тот
Расти в большевистскую смену!»

Пионер—
проснулся всрок,
Занят важными вещами,
Это вам—
не петушок!
Это—
радиовещанье.
У него кругом дела,
Жизнь вокруг бушует шумно,
Все ему страна дала,
Чтобы стать большим и умным.

Все заботятся о нем,
На него всех дней затрата:
Хочешь будешь агроном,
Хочешь станешь авиатор.

Он и сам к тому привык,
Чтоб сквозь книги и тетрадки
Вырос крепкий большевик
По работе, по ухватке.
Нам не жить по петухам,
Нам везде открыты школы,
Так греми, не затухай,
Голос радио веселый!

«Вставайте, вставайте!
Страна вас ждет,
Не жми подбородок к колену,
Просторы и горы и светлость вод
Зовут большевистскую смену!»

Мы ставим сети на зайцев.

РАБОТАТЬ ХОЧЕТСЯ ВОВСЮ

Рассказывает и рисует художник П. Кузьмичев.

В разных условиях нам приходится работать, о разных вещах рассказывать и многому, многому учиться.

Иной раз будешь рисовать то, что встречаешь каждый день, шага не сделав, иногда говоришь о виденном годы назад и в детскую пору. А вдруг о таком предмете нужно бывает рассказать, которого никогда в жизни не видал, существует он на полке какого-нибудь музея с возрастом примерно 5000 лет, такой уж он старый.

Вот о нем и рассказываешь рисунком, конечно.

Самое интересное — это сегодняшнее, тут уж сам участвуешь, тобой перечувствовано — живое, а жизнь всегда интересна, для нас, художников, она первый учитель.

Осенью в 1933 г. был я в уральских колхозах, много работал у колхозников, очень много интересного получил. А совсем недавно я с пионерами-юнатами в «подмосковную тайгу» ездил. Кучу заданий мы выполнили с ребятами в заповеднике, много хорошего увидели. И все это примерно в 15 км от Москвы: глухой, черный лес около 400 кв. км, в будущем это один из парков Москвы, а пока в нем ходят красивые косули, лисицы, зайцы вытаптывают тропы, тетерева вылетают из снега словно снаряд из пушки, ласка хлопотливо выслеживает живую добычу, белка отыскивает орешек под глубоким снегом.

Мы немало пошумели, неудачно загоняя зайцев в сети для зоопарка!

А вечером после ужина в тесной сторожке лесничего составлялись дневники наблюдений, обрабатывался собранный материал, зарисовывалось виденное и до самого сна рассказы о дневном, наверное уж не без прикрас.

Среди серьезных вещей и событий часто видишь и смешные мелочи. Как-то осенью сидел я—отдыхал, а передо мною воробьи траву, какую-то короткую пощипывали. Один воробей ухватился за травинку, не по силам, видно, попалась, тянул, тянул да вдруг как упадет и совсем не по-воробьиному — набок, и лапы кверху. Остальных-то воробьев как напугал! А под конец и сам от испуга в воздух бросился.

Первый раз я видел, как воробьи с «ног» валятся!

Хотел я еще рассказать, как одна коза «Машка» траву щипать не умела—в городе выросла, да пожалуй редактор скажет: «Это ты все не о себе рассказываешь»—и прав окажется.

Ну, а о себе я скажу, что люблю жизнь как и вы ее, ребята, любите, а где жизнь, там и работать хочется вовсю.

Говорят, что тут я похож, но я не уверен, хотя рисовал сам.

БИОСКОП

ИЛИ СООБЩЕНИЯ ИНЖ. ГИДРОЛЮБОВА О ВЕЩАХ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ, ВИДИМЫХ И НЕВИДИМЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И БЛИЗКИХ, ИЗВЕСТНЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ

Есть ли у блохи свои блошиные блохи?

Такой вопрос впервые задал в своей книге «О размерах животных» греческий философ Аристотель. Теперь на этот вопрос мы можем ответить более или менее утвердительно. Ученые давно уже обнаружили, что на многих насекомых, в том числе и на блохе, живут мельчайшие паразиты.

Не так давно в Ленинграде был открыт паразит на паразите в кишечнике таракана. По своим размерам это уже даже не «блошиная блоха», а блоха блошиной блохи.

●

Если бы все население земного шара разом окунулось в Ладожское озеро, то уровень воды в нем поднялся бы чрезвычайно невысоко, всего на толщину серебряного рубля!

●

Луна отстоит от нас довольно близко.

Если бы на ней был построен пароход или дирижабль, то в хороший телескоп эти предметы можно было бы увидеть с земли.

●

Для некоторых микроскопов на оптических заводах приготовляют необычайно маленькие увеличительные стекла.

Размер каждого такого стекла не превышает зернышка пшена.

Эту стеклянную соринку отшлифовывают самым тщательным образом, с умопомрачительной точностью.

Разглядеть как следует это увеличительное стекло можно только с помощью другого увеличительного стекла.

После обработки кусочек простого стекла становится одной из самых дорогих вещей на земном шаре.

Бриллиант в несколько раз дешевле его, и только один радий по своей цене превосходит это мельчайшее чудо оптического искусства.

Кусочек золота такой же величины почти ничего не стоит.

●

Самая маленькая книга была написана одним монахом при помощи тонкого вороньего пера. Она помещается в скорлупе ореха. Читать ее можно только через увеличительное стекло.

Шумы и стуки превращаются в «музыку», когда они быстро следуют один за другим, через равные промежутки времени.

Если бы можно было заставить карманные часы тикать быстрее, положим, 100 раз в секунду, то отдельные тиканья не были бы слышны и слились бы в музыкальный тон.

Если бы удары крыльев голубя совершались с такой же быстротой, то полет его в воздухе сопровождался бы музыкальным тоном.

У некоторых пород колибри эта скорость достигается.

Если бы пыхтения паровоза следовали друг за другом достаточно быстро, то его приближение к наблюдателю сопровождалось бы органным звуком огромной силы.

Несколько лет назад были открыты новые, так называемые сверхмощные звуки.

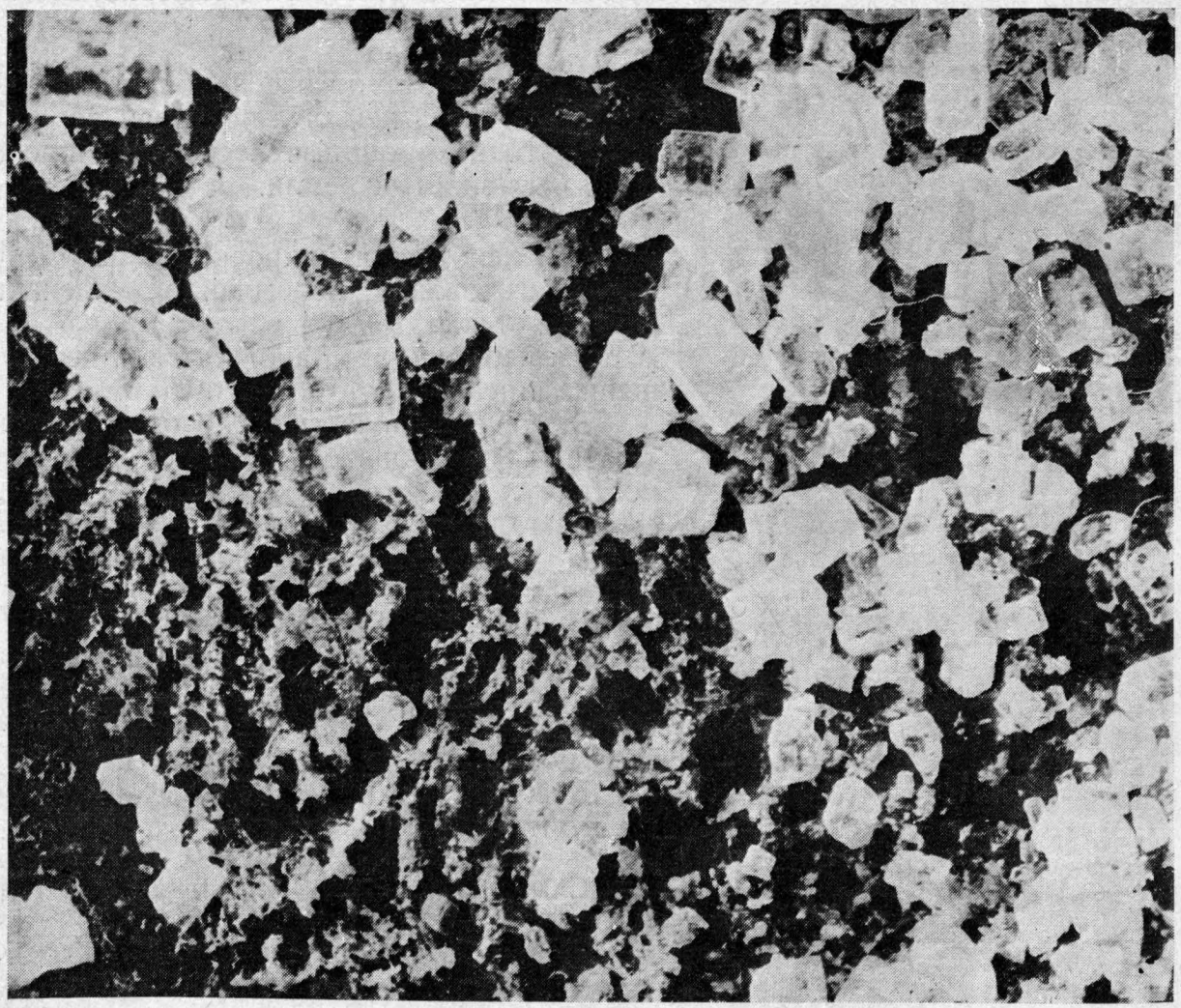
Эти звуки могут убивать мелких животных: мышей, лягушек и т. п.

Сверхмощный звук, пропущенный через банку с водой, в которой плавают рыбки, умерщвляет их в несколько секунд.

Человеческое ухо этих звуков не слышит.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ

если фотография на 19 стр. „Пионера" № 4 изображает напильник в стружках?

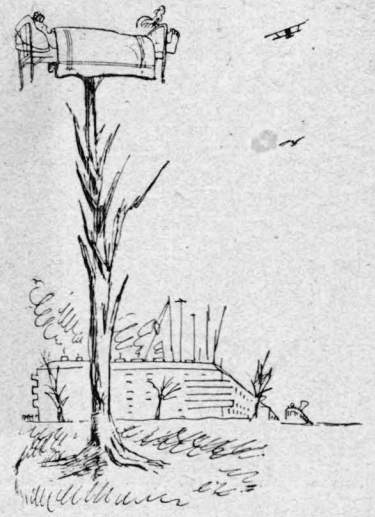


НАКОНЕЦ У КАНЕВСКОГО

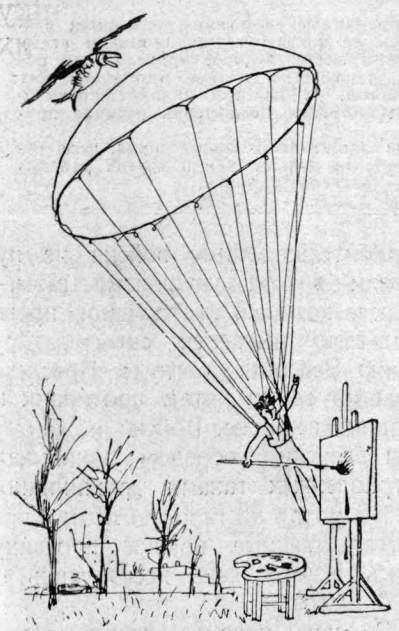
(Окончание, начало см. на I и II стр. обложки и на стр. 5, 7 и 13)

Рисовал про себя и про Тут-Итама сам художник А. Каневский

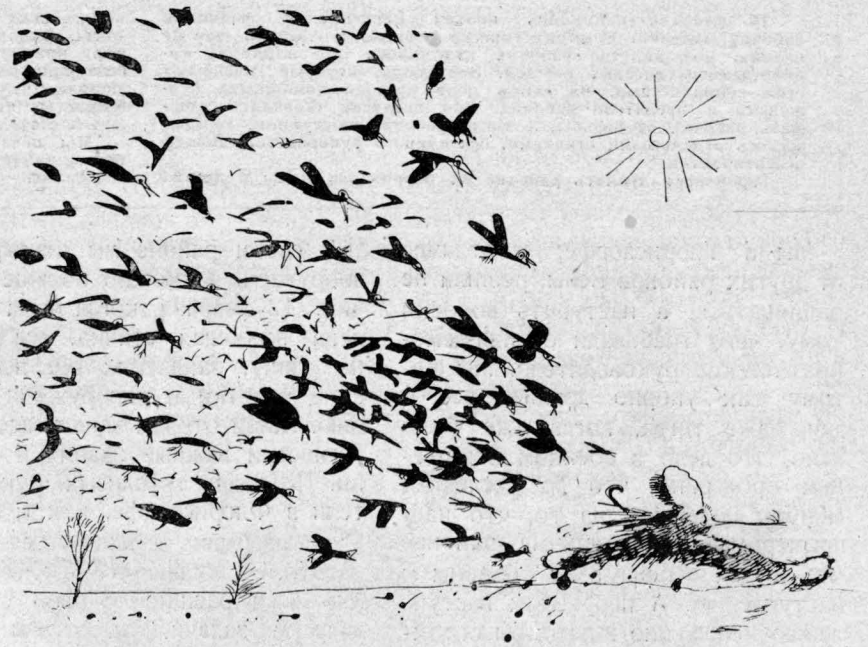
10. Так я гулял, перед тем как был у меня Тут-Итам.



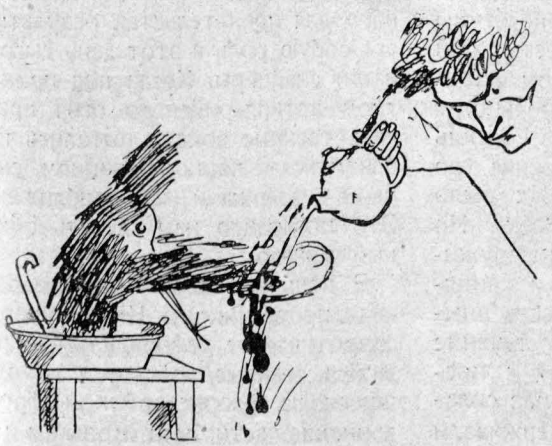
11. Потом я отдохнул в саду около дома.



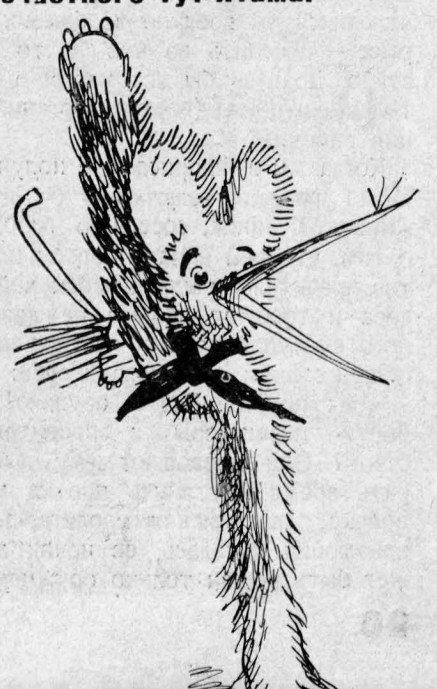
12. Так я делал рисунки для журнала „Пионер".



13. И вдруг увидел несчастного Тут-Итама.



14. Скорее мыться!



15. Теперь Тут-Итам приветствует „Пионер", и я присоединяюсь к его горячему приветствию.

А. Каневский

Войска штурмуют дом Карла Маркса в Вене.

РАССКАЗЫ ФЛОРИСДОРФСКИХ РАБОЧИХ

14 февраля поднялись против наступления фашистов рабочие Австрии. Коммунистическая партия в Австрии еще не велика. Большинство рабочих находилось под влиянием социал-демократических вождей. Эти люди, которые называют себя социалистами, на самом деле прямые помощники буржуазии и предатели рабочих. Они всячески старались удержать рабочих от борьбы, а когда рабочие выступили, то сражались отдельными отрядами, без единого руководства. Вожди дезертировали.

Героически дрались рабочие на баррикадах Вены и других австрийских городов, но преданные «вождями», они были разбиты. Однако они дрались не напрасно. Они показали всему миру пример пролетарского мужества, которое привело бы к победе при революционном руководстве. В бою многие из них поняли, что, кроме фашистов, их врагами являются социал-фашисты, что только под знаменем Коминтерна рабочие придут к победе.

Мы печатаем рассказы защитников Флоридсдорфа. Это рабочий район Вены, где рабочие дольше чем в других районах держались против правительственных войск.

Мы в Флоридсдорфе, в отличие от других районов Вены, решили не защищаться, а наступать вопреки тому, чего требовали социал-демократические руководители. Мы потому так упорно дрались все 4 дня, даже тогда, когда уже было ясно, что дело в военном отношении проиграно, что до последней минуты надеялись на то, что наш пример увлечет остальные районы, что и они перейдут от обороны к наступлению. А переход к наступлению неизбежно вызвал бы огромный под'ем масс. Весь пролетариат слился бы воедино в общем порыве — победить во что бы то ни стало. Дралась бы вся масса, а не только шуцбунд (военная организация рабочих).

Когда мы в Флоридсдорфе получили 11 февраля телеграмму от дружинников Линца, соседнего города, о том, что они начали борьбу против правительственных войск хеймвера и требуют нашего немедленного выступления и об'явления всеобщей стачки, мы сказали себе:

«Час пробил. Все к оружию! К чорту переговоры с правительством! Они позволяют ему выиграть время и стянуть против нас войска. Австрийская пролетарская революция началась, ее исход может быть решен только оружием!»

В своем районе мы постарались вооружить возможно больше рабочих. 12 февраля, когда была об'явлена всеобщая стачка, мы вышли на улицу, захватили все полицейские участки и разоружили полицию. Наши отряды заняли все стратегически важные здания и участки. По плану трусливых, руководители в Флоридсдорфе, как и всюду, должны были ограничиться лишь защитой жилищного комбината. Мы сами расширили свои стратегические задачи. Мы создали не одну, а три линии обороны. Не дожидаясь подхода правительственных войск, мы старались выдвинуться далеко вперед на подступы к Флоридсдорфу, чтобы вести бой на возможно более широком фронте и сжать противника в кольцо.

Первый же день к нам на помощь выступила пожарная дружина во главе с т. Вейсселем. Их было немного — всего 60 человек. Но они прекрасно дрались. Эта дружина была нашим заслоном и приняла первый бой с правительственными войсками. Дружина в течение целого дня выдержала бой с превосходившими ее в десять раз силами противника. Мы поддерживали ее, открыв огонь по противнику из наших пулеметных гнезд, и, несомненно, она не сдалась бы, если бы правительственные войска не пустили в ход удушливые газы,— факт, который австрийское правительство пытается скрыть. Дружина Вейсселя дрогнула. Преследовавший ее по пятам противник не пощадил никого. Войска и жандармы зверским образом закалывали отравленных газами дружинников.

Несмотря на газовую атаку, правительственные войска продвинулись в этот день всего лишь на 120 шагов.

За ночь правительственные войска подвезли артиллерию, начался обстрел домов. Бомбардировка продолжалась целый день без желательного для правительства результата.

Особую роль в этот день сыграли наши снайперы. Когда под прикрытием артиллерийского огня правительственные войска пытались приблизиться к нашим позициям, снайперы задержали их приближение. Это позволило нам сделать обходный маневр.

В ночь на 14 мы имели перевес над противником. Наше упорное сопротивление деморализовало правительственные войска, и находившиеся на флоридсдорфском фронте воинские части были отозваны и заменены к утру свежими.

Но и подошедшие части не решались вступить в бой с нами. Не

Полиция отвозит группу арестованных дружинников в тюрьму на грузовике, реквизированном для этого у колбасного торговца.

захватив нас в открытом бою, командование правительственных войск прибегло к следующему чудовищному приему: оно выставило на передовую линию нашего огня пролетарских женщин и детей, пригнанных из других районов, прекративших борьбу, а за ними выстроила свои войска. Таким образом если бы мы продолжали стрельбу, то в первую очередь пали бы жены и дети рабочих. Одновременно было подвезено еще несколько артиллерийских орудий, начался новый обстрел домов. Мы не могли стрелять по женщинам и детям и решили рассыпаться по флангам и начать фланговую атаку.

Учтите, что к этому времени мы находились в бою уже 60 часов, не имея во рту маковой росинки. Мы сконцентрировались в Эдлердорфе и там начали новую атаку правительственных войск. Против нас были двинуты два броневика. После упорного боя мы вывели оба броневика из строя и овладели ими, использовав их для баррикад.

Так прошло 14 февраля. 15 начался ураганный артиллерийский обстрел наших домов. Начались пожары. Женщин и детей мы направили через подземные каналы в другие районы, а сами отошли на последнюю линию обороны — на газовый завод.

В течение дня мы получили несколько ультиматумов от командования правительственных войск — очистить газовый завод. Мы неизменно их отвергали.

Утром 16 командование прибегло к следующему приему: оно вывело на линию нашего огня закованных в цепи дружинников, взятых в плен в других районах Вены. Они несли плакат: «Бои в районах Вены кончились. Прекратите бесцельную борьбу. Если вы не очистите газового завода, начнется артиллерийский обстрел. Не стреляйте, пощадите нас!».

Мы собрали совещание и решили прекратить борьбу. Но мы тут же решили ни в коем случае не сдаваться войскам и хеймверам, а отступить в боевом порядке к чехословацкой границе.

Небольшой группой, имея три пулемета, ручные гранаты и карабины, мы с боем двинулись к границе.

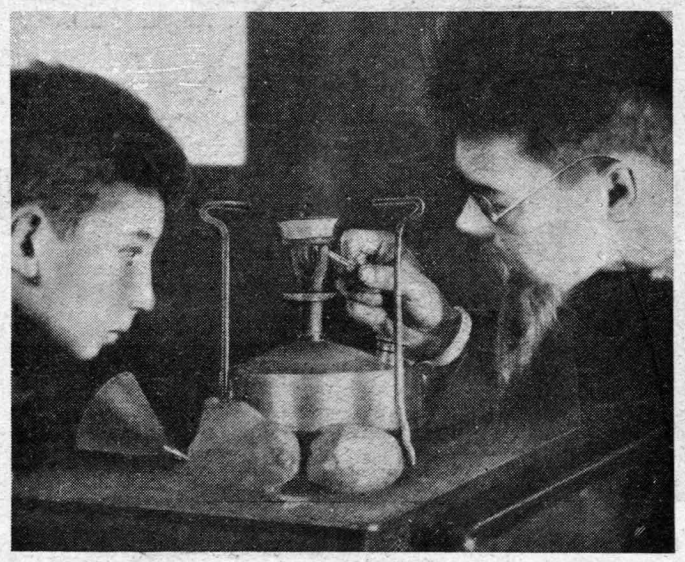
Мы шли лесами. За нами были посланы полицейские самолеты и броневики. Мы прошли 70 километров до границы в непрерывном бою и, лишь прибыв на территорию Чехо-Словакии, бросили в пограничную речку оружие.

Всего нас, защитников Флоридсдорфа, было 800. Часть пала в боях, часть ранена, часть не успела выбраться из домов. Силы противника, действовавшие против нас, составляли не менее 5 тыс. человек. Но если бы у нас было хоть только два орудия, Флоридсдорф был бы тогда в полном смысле неприступной крепостью.

Особо мы хотим отметить поведение коммунистов, которые дрались геройски до конца.

Разоружение взятых в плен рабочих-дружинников во дворе дома, захваченного войсками. Захваченных с оружием в руках ждет виселица — таков закон победившей буржуазии.

ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ В ПРИМУСЕ



Гидролюбов ткнул прочищалку в отверстие примусной головки.

НЕ ХОТИТЕ ЛИ ЗАЙТИ В ПРИМУС?

Начало я прозевал. Гидролюбов открыл дверь, уже весь выпачканный сажей.

— Лопатин, — вы понимаете что-нибудь в примусе?

— Почти ничего.

— В таком случае вы мне не нужны. Ступайте домой. Спокойной ночи!

Гидролюбов резко повернулся и зашагал в кухню. Я не послушался хозяина и отправился за ним.

В кухне едко пахло копотью. На столе валялась картошка. Тут же стояла почти пустая бутыль из-под керосина, а посредине грязный примус. Около него возились Юрка и Гидролюбов. Они спорили, нервничали, чиркали спичками и жгли керосин.

Сначала примус горел каким-то кривобоким огнем. Гидролюбов ткнул прочищалку в отверстие примусной головки. Примус начал чадить. Тогда за иголку взялся Юрка. Пламя окончательно потухло. Юрка сердито швырнул прочищалку в угол.

— Кончено, дядя. Примус гореть не будет. Сегодня мы без обеда.

— Рано отчаиваться, мой друг. Достаточно мне заглянуть в примус и рассмотреть его отдельные механизмы и тогда...

Как раз в этот момент в кухню вошел Махалов, наш общий друг и хитрый фотограф.

— Что я слышу! Инженер Гидролюбов хочет залезть в примус?

— Не совсем так: я хочу лишь как следует рассмотреть его механизмы.

— В таком случае за дело! Всех вас — и Юрку, и Гидролюбова, и Лопатина — я сделаю маленькими. Вы будете ростом не больше черного таракана и прекрасно сможете путешествовать в примусе. Вы будете лазать во всех его механизмах. А я буду вас снимать. Согласны?

Я решительно отказался. Меня не привлекала прогулка по грязному, вонючему примусу. К тому же я ни на секунду не верил Махалову: фотографы любят приврать.

— Лопатин, вы струсили? Тем хуже для вас... Итак, в путешествие отправляются двое: Юрка и Гидролюбов. А вы уходите из кухни и дожидайтесь в прихожей до тех пор, пока я вас не позову. Никто не должен видеть, как два отважных путешественника готовятся в путь. Это мой секрет... Скорей, скорей, Лопатин, не задерживайте!

Минут десять пришлось сидеть в прихожей на сундуке и курить трубку. Я был убежден, что Махалов шутит.

Инженер Гидролюбов — и вдруг ростом с таракана!

Какая ерунда!

ПОД'ЕМ НА КАПУСТНУЮ ВЕРШИНУ

— Лопатин! Милости просим!

Вошел в кухню. У плиты стоит Махалов. Перед ним фотоаппарат.

— Где Гидролюбов?

Махалов смеется.

— Спрятался?

На столе что-то пискнуло. Как будто, придавили мышь... Подошел ближе...

У примуса действительно стоят Юрка и Гидролюбов. Каждый ростом с небольшую луковицу, и говорят писклявыми мышиными голосами.

Это было уморительное зрелище.

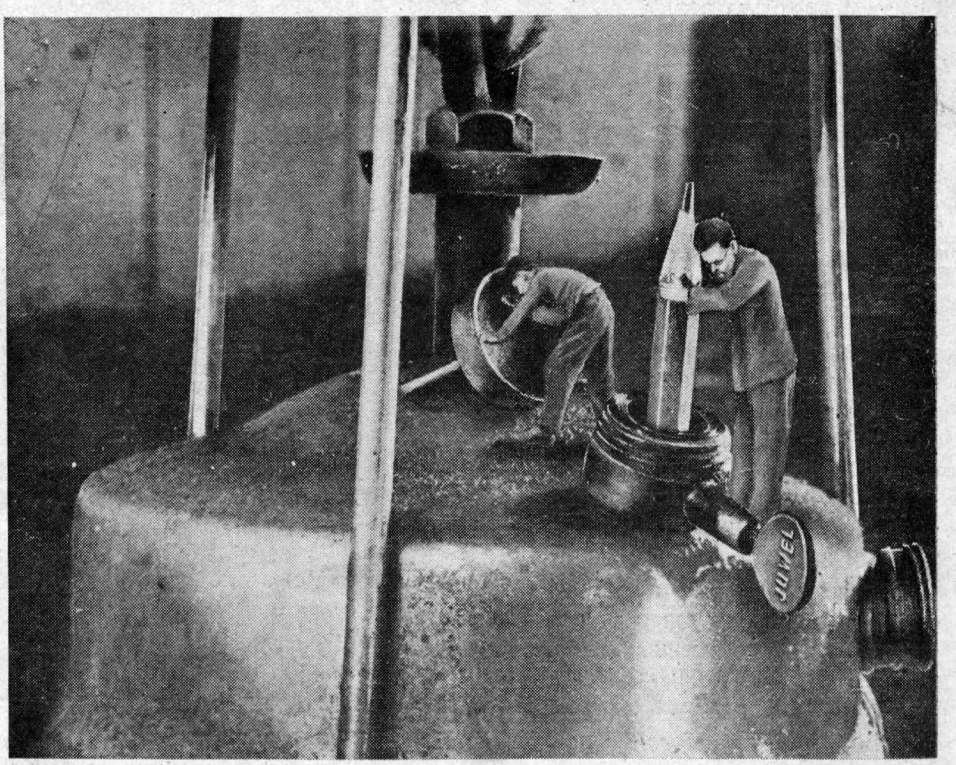
Подставили спичечную коробку, она оказалась слишком низкой. Юрка влез Гидролюбову на плечи, но дядя не мог удержать племянника. Подкатили к примусу картофелину, чтобы с нее вскочить на примус, но это было еще труднее, чем карабкаться по скользкой и отвесной металлической поверхности.

Наконец отыскали кочан капусты. Подкатили его к примусу. Ступени в кочне вырубали моим перочинным ножом и маленькими ножницами. Лестница оказалась крутой и кособокой.

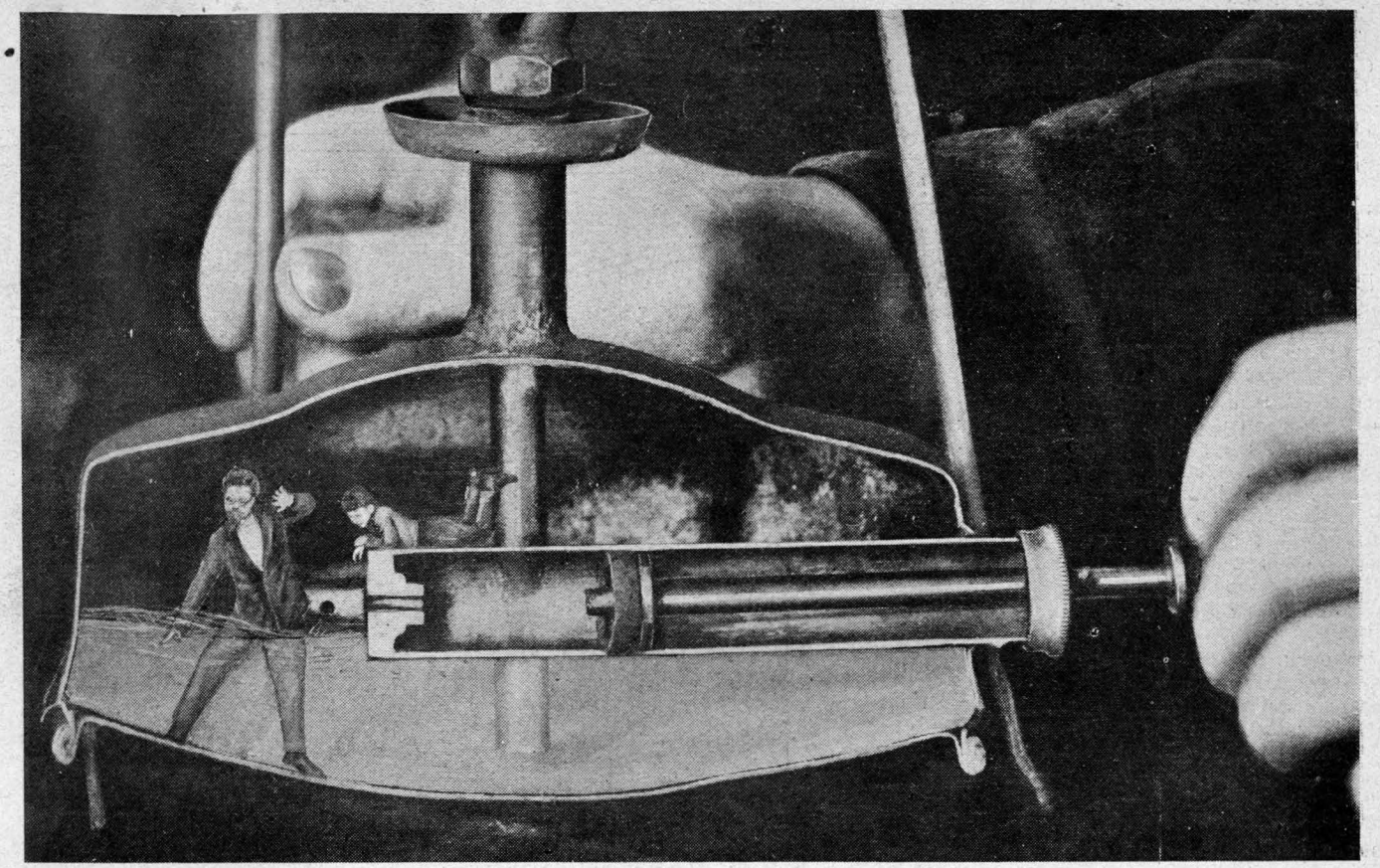
Рискуя жизнью, Гидролюбов первым достиг капустной вершины. Взобравшись, он обратился ко мне с речью:

— Лопатин, вы будете очевидцем нашего необычайного путешествия. Я попрошу тщательно все записывать. Но только пожалуйста ничего не придумывайте сами. Юрка, вперед!

То, что вы прочли до сих пор, я писал дома, вернувшись от Гидролюбова. То, что вы прочтете ниже, записано в кухне у примуса.



— Глубина керосина — 2 см, вполне достаточно. Однако примус не горит?.



Струя воздуха со свистом вырывается из узкого отверстия.

НЕУЖЕЛИ ПОЛЕЗУТ?

(Юрка и Гидролюбов стоят на примусе у отверстия, куда вливают керосин. У Гидролюбова ужасно гордый вид. Но Юрка немного трусит).

Гидролюбов. Итак, Юрка, мы начинаем наше путешествие... Лопатин, я попрошу вас записывать цепь моих рассуждений.

Что такое примус? Машина, работающая керосином. И если эта машина не работает, значит прежде всего надо выяснить, есть ли в ней керосин. Поэтому предлагаю отвинтить крышку и заглянуть внутрь.

Гидролюбов. Глубину океана капитаны кораблей измеряют лотом. Глубину реки определяют шестом. У нас нет ни того ни другого.

Юрка. Я предлагаю карандаш.

(Даю им свой запасной. Обращаются с ним как с бревном. Гидролюбов вытаскивает его из отверстия, обняв обеими руками и прижав к животу).

Гидролюбов. Глубина керосина 2 см. Вполне достаточно. Однако примус не горит. Значит надо продолжать исследования...

...Я вижу кожу на обратной стороне развинченной крышки. Обычно это делается для того, чтобы плотнее закрыть отверстие. Тут же в примусе я обнаруживаю шток от воздушного насоса...

Совершенно ясно: конструктору примуса необходимо накачивать воздух внутрь резервуара и он не желает, чтобы этот воздух выходил через отверстие для керосина. Очевидно, воздух нужен ему для чего-то другого. Значит мы должны обследовать качество кожи на крышке и работу насоса. Первое я поручаю тебе, Юрка, а второе беру на себя.

(Юрка еле справляется с крошечной лупой, которую он получил от Махалова. Исследует очень тщательно, но никаких из'янов не обнаруживает.

Решают лезть внутрь примуса. Неужели действительно полезут!

Странно: Махалов просит меня на минутку выйти из кухни. Зачем?)

Я РЕШИТЕЛЬНО ПРОТЕСТУЮ

(Вхожу. Примус на месте. Но Махалов совершил новое чудо. Мне кажется, он разрезал примус пополам. Ясно видны внутренности: цилиндр воздушного насоса, поршень и даже керосин. Не понимаю, как керосин не выливается? Или, может быть, Махалов ничего не резал, а только сделал прозрачной переднюю стенку керосинового резервуара?

В керосине стоит Гидролюбов. Керосин доходит ему до пояса. У Гидролюбова кислая физиономия. Еще бы! Едва ли приятно купаться в керосине).

Гидролюбов. Я хочу проверить действие насоса. Махалов, пожалуйста, толкните поршень.

(Махалов толкает. Но очевидно слишком сильно. Струя воздуха со свистом вырывается из узкого отверстия. Она поднимает волну на керосиновом озере. Брызги хлещут в лицо Гидролюбова. Срывают очки. Едва не опрокидывают).

Юрка. Дядя, что с вами?

Гидролюбов. Все замечательно! Насос работает прекрасно! (Гидролюбов влезает к Юрке на цилиндр насоса. Садится рядом с ним, сохнет и отдыхает. А я думаю о насосе.

Мне прекрасно видно его устройство: цилиндр, в цилиндре поршень, от поршня идет шток и выходит наружу. Когда толкаешь поршень от себя, он сжимает воздух в левой части цилиндра и вталкивает его внутрь резервуара... А как дальше? Каким образом новая порция воздуха попадает в заднюю часть цилиндра? И вообще как работает этот воздушный насос?..

...Гидролюбов подсох и отдышался).

Гидролюбов. Мы подходим, Юрка, к последнему звену наших исследований. Если керосин налить, поршень работает исправно, крышка закрывается плотно, значит неполадки надо искать в трубах горелки... Итак, в горелку, Юрка! Захвати с собою метлу, она нам понадобится.

(Я решительно протестую! Путешественники могут попасть в горелку только через трубу, которая опускается своим нижним концом в керосин, а верхним соединяется с горелкой. Им придется нырять, и притом так хитро, чтобы под керосином влезть в отверстие трубы. Конечно, они не смогут этого сделать и захлебнутся.

Я протестую!

К моему удивлению Махалов быстро соглашается. Он только просит меня снова выйти из кухни на несколько секунд, пока он не перетащит путешественников в горелку.

Сижу в прихожей и думаю о хитром фокусе Махалова и о том, как может керосин подниматься из резервуара к горелке. Ничего толкового придумать не могу. Оказывается, в примусе масса загадок.

Приглашают в кухню).

СЛИШКОМ МНОГО ЗАГАДОК

(Снова чудо!

Теперь уже разрезаны (или просвечивают?) трубы горелки. Ясно видно, как соединяется с ними высокая труба, опущенная в керосин.

Юрка сидит. В руках у него метла. Он ожесточенно очищает ею копоть, толстым слоем наросшую на стенках трубы.

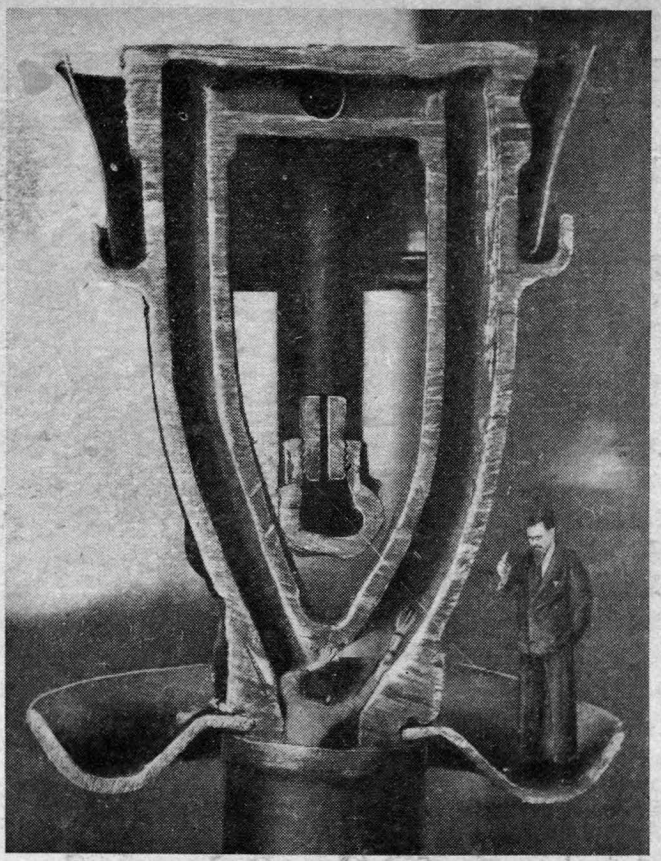
Гидролюбов почему-то в трубу не полез. Он стоит на чашечке, в которую наливают бензин, и уверяет, что трубы надо обязательно прочистить, иначе примус не загорится.

Не понимаю, как могла здесь образоваться копоть? Ведь по этим трубам идет керосин и горит только в узеньком отверстии, до которого еще очень далеко. Или может быть здесь проходит не керосин, а керосиновые пары, о которых вполголоса говорят Гидролюбов с Юркой? Но разве это что-нибудь меняет?

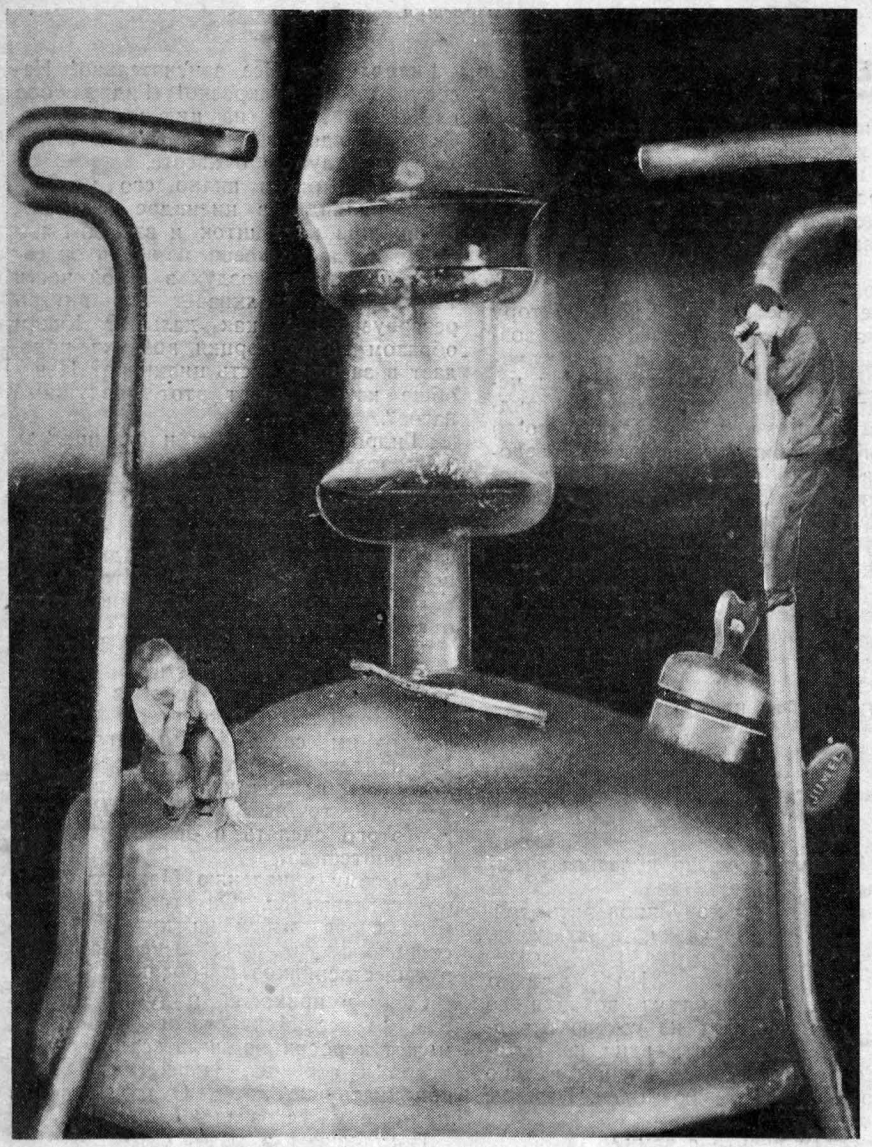
Ничего не понимаю. Слишком много загадок.

Наконец, все трубы прочищены. Меня опять выгоняют в прихожую. Возвращаюсь и снова нахожу целый, непрозрачный примус. Он горит ярким пламенем. Гидролюбов влез на примусную ножку и оттуда торжествующе кричит Юрке).

Гидролюбов. Тот, кто кое-что понимает в физике, никогда не пропадет!



В руках у Юрки метла. Он ожесточенно очищает ею копоть.



— Тот, кто кое-что понимает в физике, никогда не пропадет.

ГИДРОЛЮБОВ ОБЕЩАЕТ ВСЕ ОБ'ЯСНИТЬ

Когда снова сидя в прихожей я увидел Гидролюбова и Юрку здоровыми, живыми и, главное, нормального роста, я решительно потребовал от Гидролюбова об'яснения махаловского фокуса и загадок примуса. Вопросов было так много, что я переписал их на отдельной бумажке.

1. Каким образом Махалов уменьшил рост Гидролюбова и Юрки и посадил их в примус?

2. Как работает воздушный насос примуса?

3. Каким образом керосин добирается из резервуара до горелки?

4. Зачем предварительно разжигают бензин в чашечке горелки?

5. Что починил Гидролюбов в примусе?

Гидролюбов предложил эти вопросы напечатать в «Пионере» и согласился отвечать всем ребятам, которые попытаются разгадать эти задачи.

Разгадку Гидролюбов обещает дать в № 7 или 8.

Пишите мне письма по адресу: Москва Центр, ул. Горького, 8, «Пионеру».

ПЕРЕПИСКА С ИСЛАНДИЕЙ

В ответ ФРОНШТЕЙНУ и БЫХОВСКОМУ

Дорогие товарищи, пионеры Исландии!

Мы хотим с вами переписываться. В этом письме мы вам расскажем о нашей, советской школе, о том, как мы учимся, как проводим свободное время, выходные дни. Итак, мы начинаем свой рассказ.

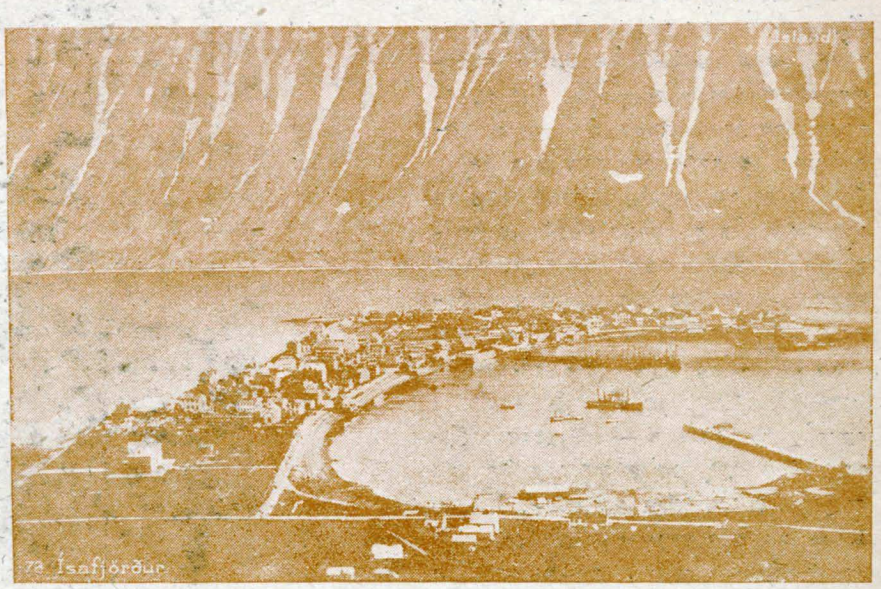
В школе, где мы учимся, занятия второй ступени происходят во вторую смену, т. е. начинаются в 2 часа дня. Перед занятиями у нас каждый день происходит линейка. На линейке проверяют посещаемость школы и делают политинформацию. После линейки у нас начинаются занятия. Урок у нас продолжается 45 минут. После каждого урока у нас 10-минутная перемена. На третьей перемене мы завтракаем. Эта перемена длится 30 минут. После завтрака проводятся массовые игры, танцы. Кто не хочет играть и танцовать, тот идет в тихую комнату, где можно почитать, поиграть в шашки, шахматы, настольные игры. После большой перемены—опять занятия. После уроков (а их большей частью шесть) мы идем домой или остаемся в школе на любительские технические или художественные кружки. Большей частью кружками руководят сами ребята.

Выходные дни мы проводим весело: мы ходим организованно в кино, Парк культуры и отдыха, где можно поиграть на свежем воздухе, заняться физкультурой. Ходим в библиотеки, где читаем интересные книги. Если ты любишь технику, то иди на детскую техническую станцию, где можно строить разные движущиеся и работающие модели разных машин. Кто интересуется фотографией, тот может получить фотоаппарат или бумагу с карандашом и может заснять или зарисовать то, что ему нравится. Возможностей у нас очень много.

Пока мы будем крепить нашу связь и дружбу через редакцию.

Пишите ответ по адресу: СССР, Москва, 9, ул. Горького, 8. Редакция журнала «Пионер».

ФРОНШТЕЙН, БЫХОВСКИЙ



Эти фотографии прислали исландские ребята. На этом снимке вид Исафиорда

Фроштейну и Быховскому, Москва, Центр, ул. Горького, 8. Редакция журнала „Пионер".

Рейкавик, 20/XII 1933 г.

Дорогие товарищи, русские пионеры!

Мы благодарим вас за письмо, которое все пионеры получили с радостью.

Пионеры здесь организованы не при коммунистической партии, а при Межрабпоме. Скоро здесь будет основано коммунистическое пионердвижение. Все пионервожатые являются комсомольцами. Задача отряда — вовлечь всех детей рабочих в классовую борьбу и поддерживать борьбу рабочего класса за советскую Исландию. Нашему движению всего только два года, и оно поэтому мало, но необходимость в нем большая, потому что борьба капиталистов против рабочих становится острее с каждым днем. Это можно видеть, например, из того, что исландские капиталисты решили создать вооруженный отряд, задачей которого будет подавлять рабочих, когда они будут бороться за повышение зарплаты или когда они будут просить работу.

В Исландии сейчас всего только 200 пионеров, но недавно было организовано еще два новых отряда. Мы подразделяем наш отряд здесь, в Рейкавике, на две части: одну для старших и другую для младших. Маленькие пионеры играют, поют, шьют, рассказывают истории, ставят скетчи и т. п., а старшие учатся, кроме того, делать игрушки и щетки, которые они продают, а потом еще учатся рисовать. Мы поставили много скетчей, ставя их как для коммунистов, так и для Межрабпома.

Мы выпускаем маленькую газету, которая называется «Пионер». Несколько времени назад вышел новый лист. Мы пишем в нем так много, как только возможно, и затем сами продаем его. Недавно устроили собрание, на которое мы пригласили всех детей. Мы украсили зал, сделали много стенгазет, выступали с речами и песнями. Скоро мы опять хотим устроить такое собрание.

Летом мы были несколько дней в лагере. Мы находились в палатках, и нам было очень весело. Но к следующему лету мы хотим, если мы сможем собрать денег, построить маленький летний домик, где смогут находиться бедные рабочие дети. У нас был также один садик, который мы разбили на грядки, так что старшие получили целую, а младшие — полгряды. Там мы насадили цветов и разной зелени.

Мы не можем писать теперь больше, но в следующий раз мы будем больше рассказывать об отряде и школе. Мы надеемся скоро получить ваше письмо, и тогда мы ответим так быстро, как мы только можем. Расскажите нам о школе у вас и о жизни вне ее. Что вы учите в школе? Пишите скорее!

С пионерским салютом! За пионеротряд в Рейкавике.

Будь готов! Будь готов!

Дагни

Цена 50 коп.

10814

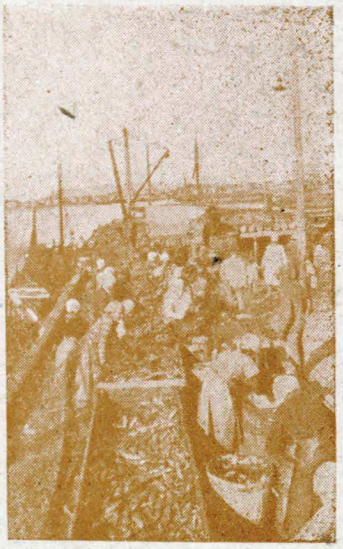
ТОВАРИЩ В СССР!

В 1932 г. мы организовали первую пионерскую группу здесь, в Исафиорде. В момент организации в группе было только пять детей. Мы устраиваем сборы каждое воскресенье и обсуждаем наши «профессиональные» вопросы. Мы пытаемся привлечь своих школьных товарищей в пионергруппу и в нашу борьбу за то, чтобы бедные дети не нуждались в покупке учебных принадлежностей и книг. Мы выпустили газету, которая называется «Маленький рабочий». В ней мы пишем обо всем, что касается наших требований жизни. Сейчас у нас в группе 25 человек — все дети рабочих. Мы разделили группу на два отряда: старший и младший. Между ними мы организовали своего рода социалистическое соревнование, и младшая группа победила. Мы хотим получить от тебя письмо с описанием твоего отряда и несколько пионерских газет, если ты можешь послать. В следующий раз мы тоже пошлем наши газеты.

С пролетарским приветом
Рот фронт!

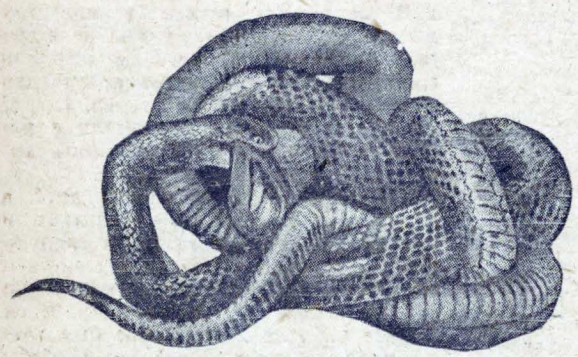
Исафиорд, 17/II 1934 г.

Исафиордские пионеры



Засол селедок в Исафиорде.

Случай в Берлинском зоопарке



На свободе эти две змеи никогда бы не встретились. Одна из них Шарарака — ядовитая змея Бразилии, другая Лабария — встречается в Гвиане.

Эти две змеи встретились в клетке Берлинского зоопарка. Они очень злые и опасные животные. Большинство змей ранят и нападают только тогда, когда рассержены или голодны — эти бросаются на всякое живое существо, которое к ним приблизится.

Встретившись в клетке зоопарка, змеи моментально бросились друг на друга. Побеждает в этой борьбе не та, которая больше и сильнее, а та, которая раньше изловчится схватить своего противника за голову. Голова в пасти — противник побежден. Змея крепко держит его зубами и заглатывает все больше и больше.

На второй картинке изображено, как Шарарака заглатывает Лабарию. Случается, что змеи хватают и стараются проглотить животное, которое слишком велико даже для ее необыкновенно растяжимых челюстей. Тогда змея лежит по целым часам на одном месте с добычею в пасти, силясь одолеть эту массу.

Отв. редактор Ь. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 26/II—34 г., подписан к печати 31/III—34 г. Изд. № 292 Формат 1 1/2 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Ц—82365 Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького, 48. Заказ № 776 Тираж 50.000

КАРТА
ВАЖНЕЙШИХ СТРОЕК ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ
1932-1937

Подарок нашим читателям
к десятилетию журнала
„ПИОНЕР"

СССР ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВО ВТОРОМ ПЯТИЛЕТИИ В ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИ НЕЗАВИСИМУЮ СТРАНУ И В САМОЕ ПЕРЕДОВОЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВО В ЕВРОПЕ.

(Из резолюции XVII с'езда ВКП(б) о второй пятилетке)

Семнадцатый с'езд большевистской партии принял невиданный миру план строительства второй пятилетки. Сотни новых заводов, тысячи километров новых железнодор. и водных путей, миллионы гектар отвоеванных для посева от песков болот и нетронутой целины, — все это не поместилось даже на большой карте «Пионера». Здесь мы нарисовали важнейшее новое строительство и те уже существующие предприятия, которые вторая пятилетка расширит и реконструирует.

Во второй пятилетке заканчивается строительство величайшего в мире Урало-Кузнецкого комбината (УКК) с десятками металлургических, машиностроительных автомобильных и тракторных заводов.

Рядом с УКК вырастает мощная казахстанская группа предприятий с ее громадными заводами цветной металлургии и кожевенными заводами.

На территории Средне-азиатских республик встанут новые хлопкоочистительные и шелковые фабрики и мясокомбинаты.

В Закавказье раскинутся плантации хлопка, субтропических растений и вырастут новые угольные копи и заводы строительных материалов.

Бурно продолжает расти тяжелая промышленность Украины. В районе Днепрогэса строится крупнейший алюминиевый завод, и Днепрогэс соединяется с Донбассом высоковольтной передачей.

Московская и Северо-Западная области дадут новые автомобильные, тракторные, машиностроительный и химические заводы.

Великая магистраль четырех морей свяжет глубоким водным путем Балтийское, Белое, Черное и Каспийское моря, прорезая каналами северные леса и южные степи.

Наконец ярко разгорятся огни индустриализации на Дальнем Востоке: металлургические, цементные, лесопильные, консервные и сахарные заводы встанут на берегу Тихого океана.

Во втором пятилетии СССР превращается в самое передовое в техническом отношении государство Европы. Экономическая мощь Союза и его боевые силы делают нашу страну непобедимой и способной отразить нападение любого врага.

Резиновый завод.
Нефтепровод.

Карбюраторный завод.
Моторный завод.
Турбинный завод.

Паровозостроительный завод.
Вагоноремонтный завод.

Электровозный завод.
Тепловозный завод.

Автотракторный завод.
Вагоноремонтный завод.

Завод сельхозмашин.
Завод шарикоподшипников.

Метрострой.
Лесопильный завод.

Тепловые электростанции.
Гидростанции.

Завод врубовых машин.
Завод дорожных машин.

Цементный завод.

Золотые прииски.

Ирригация.

Сахарная свекла.
Торф.

Каменный уголь.
Железо.

Сланцы.
Медь.

Золото.
Соли.

П 29
34
прил.
к № 5/6
1934 (март)

П. Лопатин
Худ. П. Кузьмичев, П. Рябов, С. Соколов, В. Цельмер

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЮБИЛЕЙНОМУ НОМЕРУ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“

ОСТОРОЖНО РАЗОГНИ СКРЕПКУ И, НЕ РАЗРЕЗАЯ, ВЫНЬ ВКЛАДКУ. ЭТО КАРТА 2-й ПЯТИЛЕТКИ

1 РОЖДЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ

Это произошло на окраине Москвы в болотистой и кочковатой Тюфелевой роще. Здесь в 1922 году в бывших ремонтных мастерских богача Рябушинского родился первый советский автомобиль.

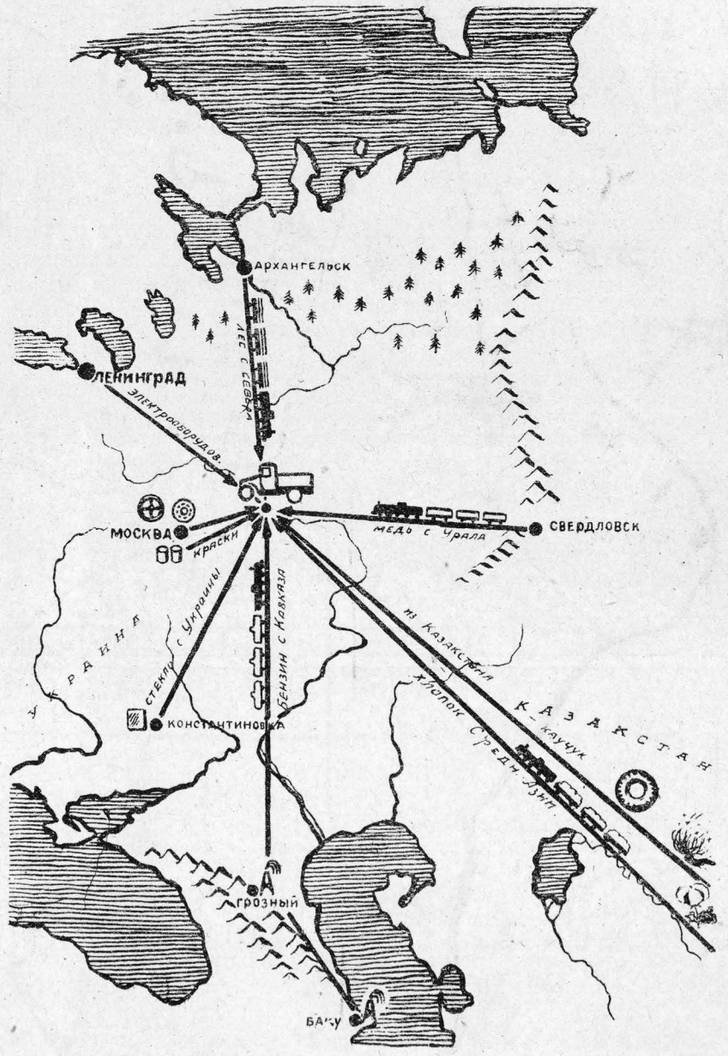
«АМО Ф-15» — гласило его официальное имя, записанное в заводской книге.

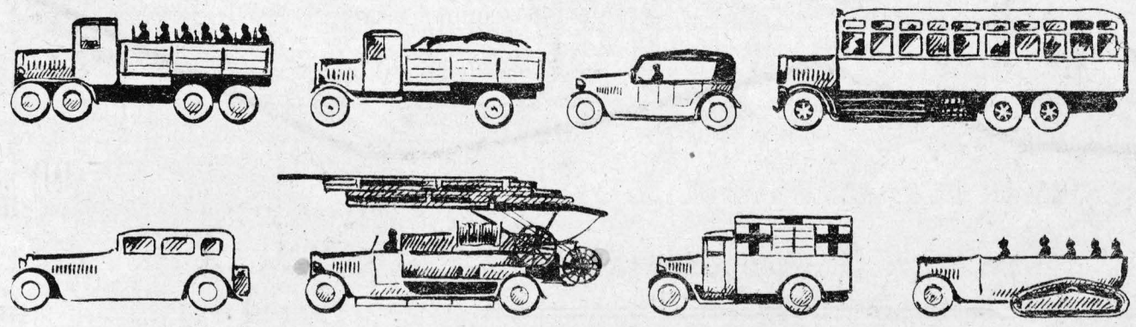
«Амовский замухрышка»—нелестно прозвали его те, кто не верил, что в кустарных мастерских мы могли создать свой первый автомобиль. До революции в царской России совсем не производили автомобилей. Но когда в 1925 году на всесоюзном пробеге он явился к финишу наравне с машинами лучших мировых марок, для всех стало ясным: родился первый настоящий испытанный и проверенный советский автомобиль «АМО Ф-15».

Через пять лет после рождения первой машины — к 1 января 1928 года — наши заводы уже выпустили 1.100 автомобилей. А еще через пять лет — к 1 января 1933 года — у нас было 75 тысяч машин.

На трех громадных заводах, выросших после Октябрьской революции в Горьком, Москве и Ярославле, собираются на длинных конвейерах советские машины. И со всей страны — от северных лесов до знойных песков Средней Азии— идут к этим заводам металл, дерево, бензин, электрические приборы, медная проволока, каучук и хлопчатобумажная ткань.

Пройдет еще пять лет, новые автомобильные заводы встанут в Уфе, Сталинграде, Самаре, и к 1 января 1938 г. в Советском союзе будет 580 тысяч автомобилей—грузовых, легковых, автобусов, тяжелых военных трехосок и закованных в сталь легковых машин.





2 ДВА ТРАКТОРА

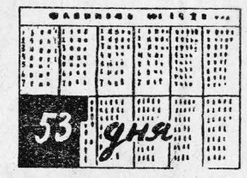
Всякая машина, даже очень умная и прилежная, может иногда стать лентяйкой. Часто ленится она вовсе не потому, что она заболела, испортилась и требует ремонта. А просто люди поставили ее в такие условия, когда ей сплошь и рядом нечего делать. И даже тогда, когда ее заставляют работать, она выполняет далеко не все, что умеет: многое из ее умений не нужно хозяевам.

Так бездельничает трактор в капиталистических странах.

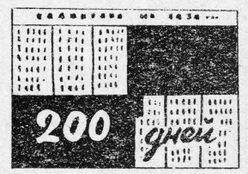
Даже самый прилежный американский трактор имеет 313 выходных дней в году. А в остальные 53 дня он относится к работе нехотя, спустя рукава, явно не желая показать, что он умеет выполнять около сотни различных работ.

А трактор на-редкость способная машина.

Он пашет и боронит, сеет и жнет, косит и молотит. Если на него надеть маховое колесо, на колесо — ремень, а на ремень — шкив, соединенный с другой машиной, трактор может сбивать масло, пилить дрова и даже приводить в движение динамо-машину. Трактор перевозит грузы, расчищает снег, укатывает дорогу, вывозит бревна и дрова из леса и даже печатает газету.



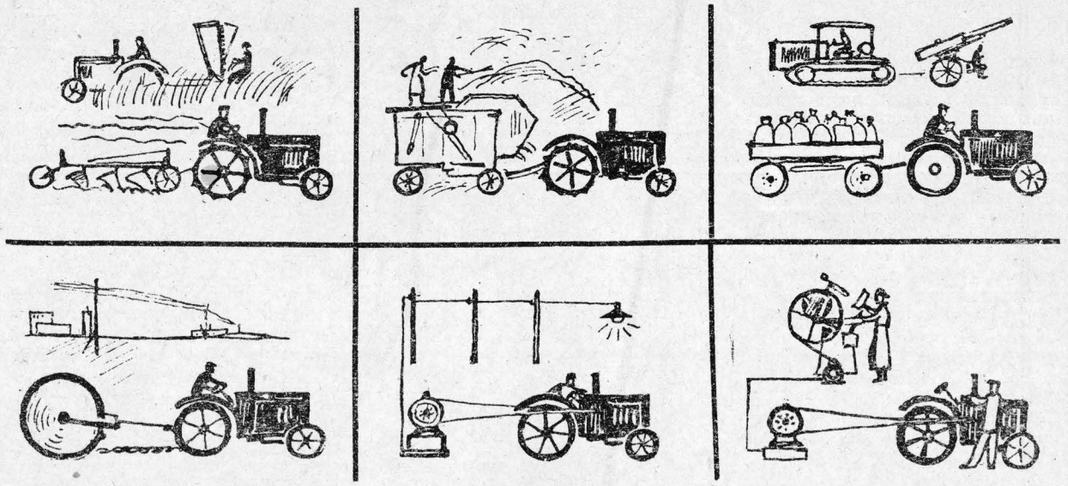
РАБОТА ТРАКТОРА ЗА ГОД В САСШ.



РАБОТА ТРАКТОРА ЗА ГОД В СССР.

ПЛОЩАДЬ СРЕДНЕГО ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА В САСШ.

ПЛОЩАДЬ СРЕДНЕГО КОЛХОЗА В СССР.



ТРАКТОРНЫЙ ПАРК В С. ХОЗ.

1929 — 34,800

1930 — 72,100

1931 — 125,300

1932 — 148,500

1933 — 204,100

Одним словом, трактор может выполнять около ста различных дел. Но в Америке он не делает и трети того, что он умеет. Там он принадлежит фермеру, а среднее американское фермерское хозяйство не превышает 22,8 га. Где же развернуться на этой крошечной территории? Американскому трактору волей-неволей приходится лениться.

Совершенно иначе обстоит дело с советским трактором. Он при деле в машинно-тракторной станции, где на его долю приходится средняя посевная площадь 400 га — почти в 20 раз больше, чем у американского фермера.

Советский трактор не окружен забором маленькой частной американской фермы. Вот почему он в четыре раза прилежнее своего американского товарища. Вот почему советский трактор во второй пятилетке действительно будет выполнять все 100 различных работ, доступных ему.

3 ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РАСТЕНИЙ

Этих людей можно было видеть в Китае и Южной Америке, в Абиссинии и в Афганистане, на берегах Средиземного моря и в тропической Мексике. Они летали на самолетах, ходили пешком, ездили на верблюдах, плыли на океанских пароходах. И отовсюду они высылали в СССР маленькие, аккуратно запакованные ящики. Это экспедиции советских ученых отправляли нам новых переселенцев.

Из Китая они прислали семена риса и самого скороспелого хлопчатника — китайский рис поселился на Дальнем Востоке, а хлопчатник в Узбекистане. Из далекой Мексики явилась к нам гвайюла, а из Абиссинии была получена посылка с семенами прекрасной кормовой травы тэфф.

Экспедиции прислали семена рами с японского острова Формозы и засухоустойчивого овса с берегов Средиземного моря.

Тысячи посылок шли в Советский союз из всех уголков земного шара, и лучшие растения мира переселялись на советские поля.

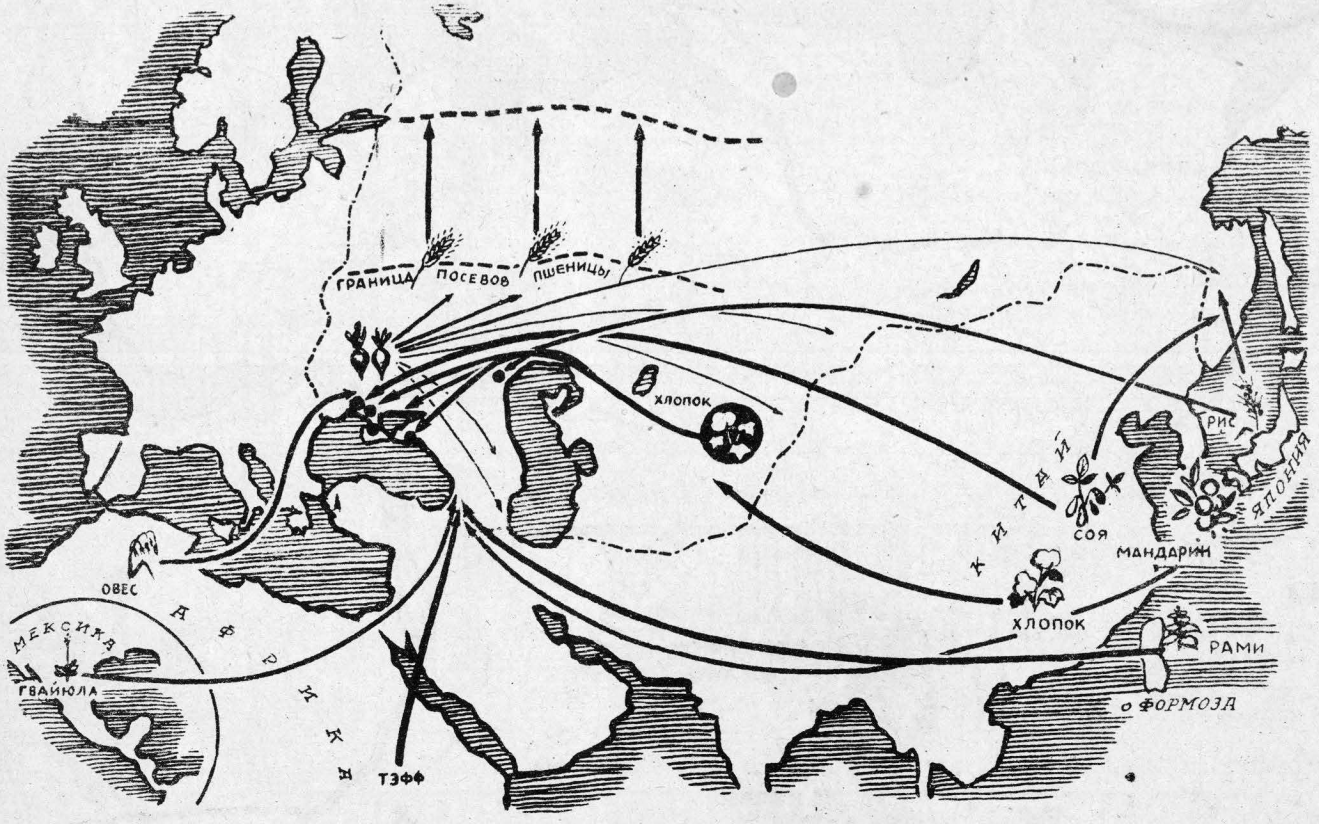
А в это время у нас в Союзе шло переселение старых, давным давно обжитых растений.

Первой тронулась со своего насиженного места пшеница. Она отправилась на север, дошла до Ленинграда, Вологды, Вятки, и центральные и северные районы, которые еще недавно были потребляющими, теперь становятся производящими.

За пшеницей двинулась свекла. Еще недавно она жила только на западе Украины и ЦЧО. Сейчас она переселяется в Московскую и Западную области, ДВК, Западную Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ, Киргизию, Грузию, Казакстан и даже Армению.

Зашевелился хлопок. Еще недавно считали, что это капризное южное растение может жить только в Средней Азии и Закавказьи. Но хлопок переселился на Украину, Северный Кавказ, в Крым и на Нижнюю Волгу и дал на своей новой родине прекрасные урожаи.

Так идет великое переселение растений на полях Советского союза. Дорогие культуры завоевывают себе новые районы, создаются стойкие и урожайные сорта растений, и СССР превращается в великую житницу мира, чтобы к концу второй пятилетки собрать в своих колхозах и совхозах 1-105,2 млн. центнеров зерновых, 22,5 млн. цнт. хлопка и 276 млн. цнт. сахарной свеклы.



ЧАЙ

МАНДАРИНЫ, ЛИМОНЫ

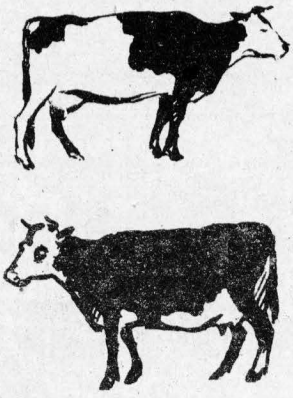
РАМИ

КЕНАФ

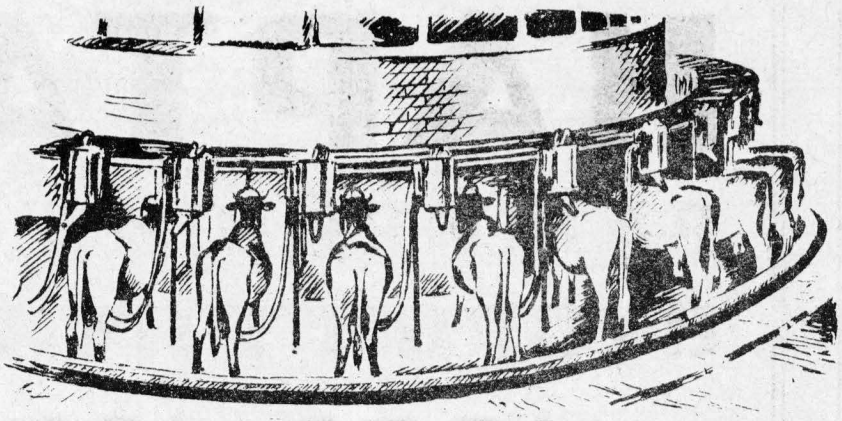
ГВАЙЮЛА

ХИННОЕ ДЕРЕВО

4 „ЗОЛОТАЯ“ СОРЕВНУЕТСЯ



„ЗОЛОТАЯ“ И РЕКОРДИСТКА СЕВЕРНОГО КРАЯ



НА «КОРОВЬЕЙ КАРУСЕЛИ» ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ «ДОЯРКИ» БУДУТ ВЫДАИВАТЬ ОДНОВРЕМЕННО 60 КОРОВ.

Сначала «Золотая» жила в полной неизвестности у крестьянки Воронцовой: была «Золотая» коровой обыкновенной и ничем не замечательной.

В колхоз «Красный коллективист» Ивановской обл. «Золотая» пришла тяжко больной. Но здесь она попала в хорошие руки: за ней ухаживала ее новая колхозная хозяйка — доярка Соцкова. И «Золотая» начала поправляться. С каждым месяцем она повышала удои, и ее последний рекорд — шесть доек в сутки и 9.200 литров прекрасного молока в год.

Никому неизвестная корова стала всесоюзной рекордисткой, бросающей вызов лучшим коровам мировых коровьих пород. Она доказала, что умелый колхозный уход может совершать чудеса.

Сейчас «Золотая» вызвала на соревнование корову-рекордистку Северного края на больший удой, на лучшее молоко, на бережный уход за собой.

Так борются животноводческие колхозы Союза за 227 млн голов скота к 1937 году, за молочную корову.

Чем лучше относиться к корове, тем больше молока она даст.

Вот как будут ухаживать за ней в больших колхозах и совхозах.

Из стойла коровы попадут в большую доильную залу. Посреди нее круглая площадка — «коровья карусель».

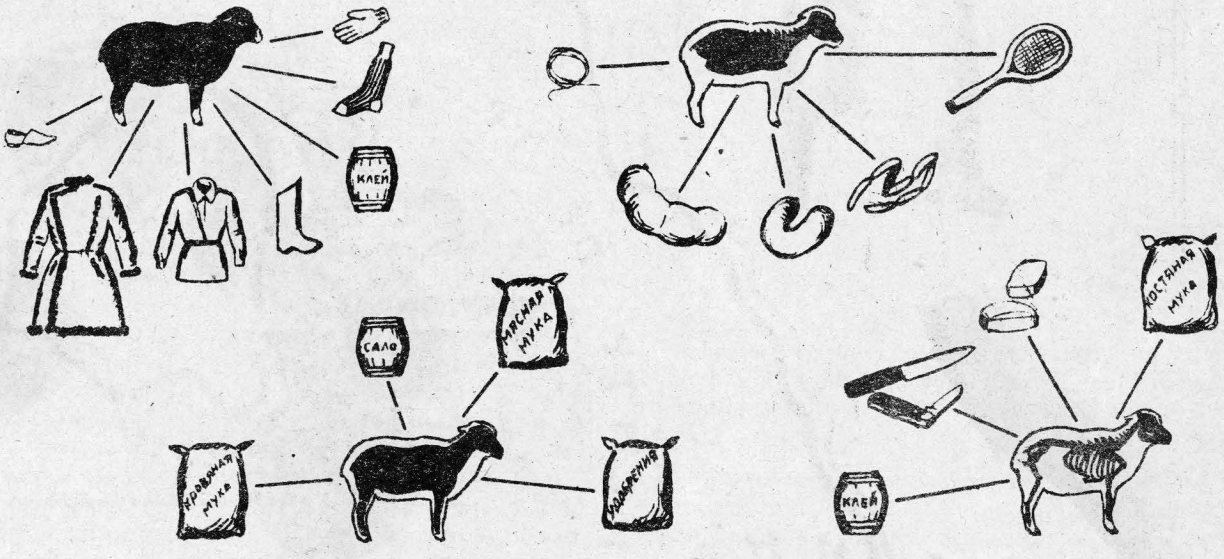
На кругу помещаются 60 коров. Круг начинает медленно вращаться.

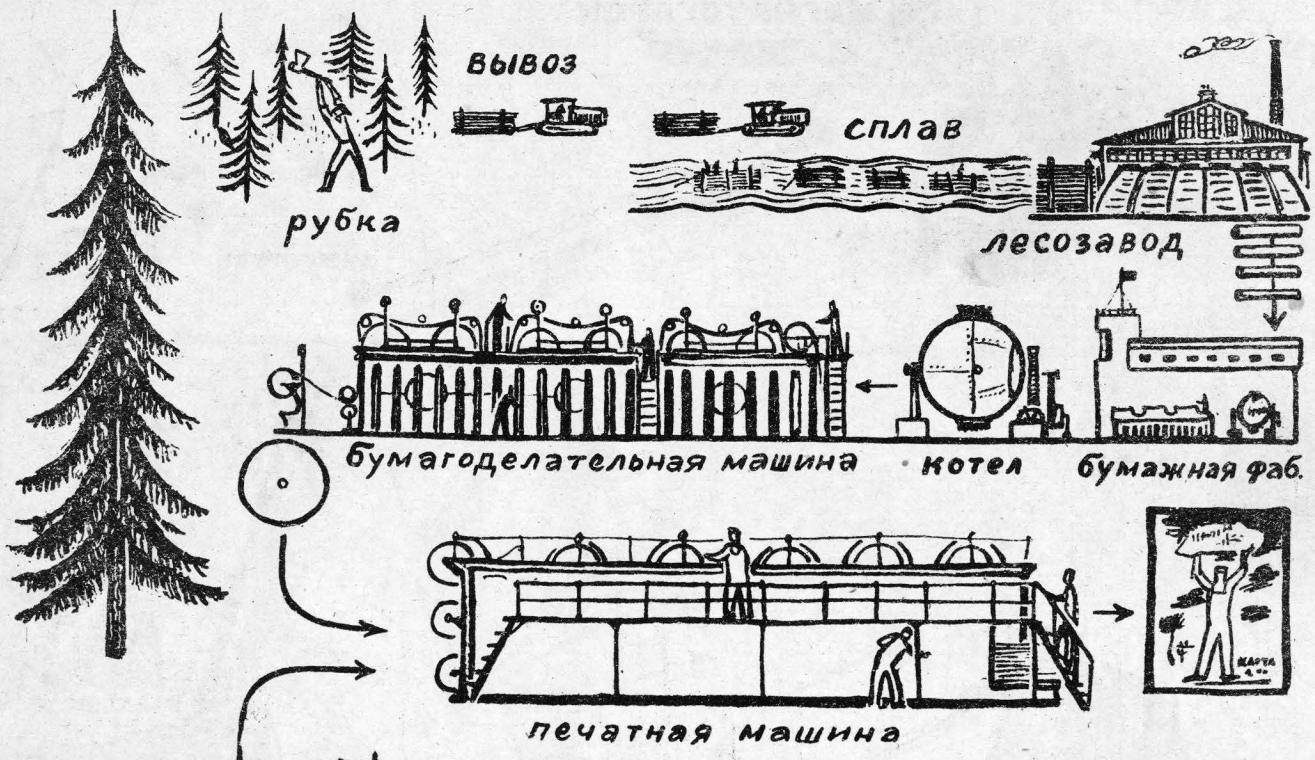
В первой части карусели коровы получают теплый душ. Во второй их обдают сухим и теплым воздухом. В третьей — их высушивают. Наконец, в четвертой — электрические доильники сами подхватывают коровьи сосцы и выдаивают из коров все молоко.

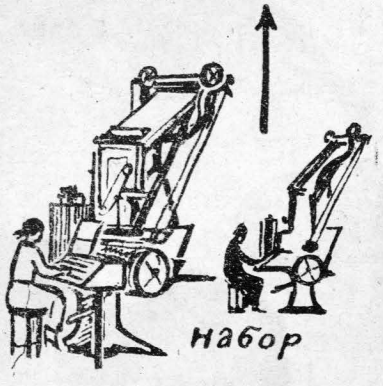
Этому помогает горячий душ: распаренная корова отдает все молоко, не оставляя ни капли.

Так будут жить коровы в крупных коровьих совхозах второй пятилетки.

ЧТО МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ИЗ ОВЦЫ







Не так давно эта карта росла елкой на берегу реки Унжи.

Когда ели минуло 60 лет, ее срубили, очистили от веток, и гусеничный трактор вытащил целые горы еловых бревен на берег реки.

Весной из бревен сделали плот, елка поплыла по Унже, потом по Волге и, наконец, добралась до бумажной фабрики. Здесь ее вытащили на берег, распилили на короткие бревна-балансы, и началось долгое и трудное путешествие елки по цехам фабрики.

Сначала на елку обрушились острые ножи. Вращаясь со скоростью тысячи оборотов в минуту, они быстро содрали елочную кору. Потом на елку набросились новые ножи и разрубили ее на мелкую щепу. Наконец, еловые щепки бросили в громадный котел и стали варить из них «суп».

Варили долго, почти 10 часов, время от времени впускали в котел водяной пар и подправляли «суп» особой варочной кислотой. В конце концов «суп» был сварен: еловые щепки превратились в целлюлозу — бесформенную однообразную массу белого цвета.

Но на этом не кончилось путешествие нашей елки.

Целлюлозу смешали с древесной массой, сильно смочили водой, и особые черпаки начали выливать это жидкое древесное тесто на мелкую металлическую сетку. Сетка непрерывно двигалась вперед, все время дрожа мелкой дрожью. От этого вода проливалась через маленькие отверстия, а елочные волокна переплетались между собой, образуя мокрый бумажный войлок.

Сетка двигалась все дальше и дальше. Она прошла уже между двумя вальцами «гауч-пресса», и сукно, обтянувшее верхний вал, впитало часть влаги древесного войлока.

Снова вальцы, снова сукна, потом бесконечные движущиеся суконные ленты — и войлок постепенно отдает свою влагу. Теперь он уже гораздо больше похож на мокрый бумажный лист. Но он еще слишком влажен, и сетка подводит его к батарее сушильных цилиндров. Выйдя из нее, сырой войлок превращается, наконец, в настоящий сухой белый лист, который тут же накатывается на валик и отправляется в типографию. Так унжинская елка стала рулоном белой бумаги.

А в это время в редакции «Пионера» сидели за столом художник, редактор и я. Мы обсуждали, как лучше сделать эту карту. Потом художник нарисовал рисунки, я написал текст, редактор отредактировал, и все это—рисунки и текст—отправили в типографию. Там наборщики набрали мой текст, цинкографы сняли рисунки на цинковую пластинку-клише и отослали их в печатное отделение. Здесь в печатной машине встретились вместе набор, клише и бумага, и родилась наша карта.

Так создаются у нас в Союзе сотни, тысячи, миллионы книг, газет, журналов из ели, пихты и осины на новых бумажных фабриках в Балахне, Вишере, Кондопоге. К концу второй пятилетки мы сможем напечатать вдвое больше книг, чем печатаем их сегодня.

6 ИСТОРИЯ ТРЕХ БАНОК

В магазине на полке стоят три консервных банки. Они ничем не отличаются друг от друга — ни формой, ни размерами. Только ярко раскрашенные бумажные этикетки говорят о том, что у каждой из трех банок своя история.

Первая банка родилась на Тихом океане. Стояла ранняя весна, когда из Владивостока ушел в море плавучий завод. Отойдя несколько десятков миль от берега, завод спустил на воду моторные лодки, и через несколько часов они привезли к борту завода сотни и тысячи крабов. Их подняли на палубу, и тут началось путешествие пойманных животных по цехам плавучего завода. Крабов потрошили и мыли, резали на части, варили, запаковывали в банки и высокими блестящими штабелями укладывали в трюме плавучего завода.

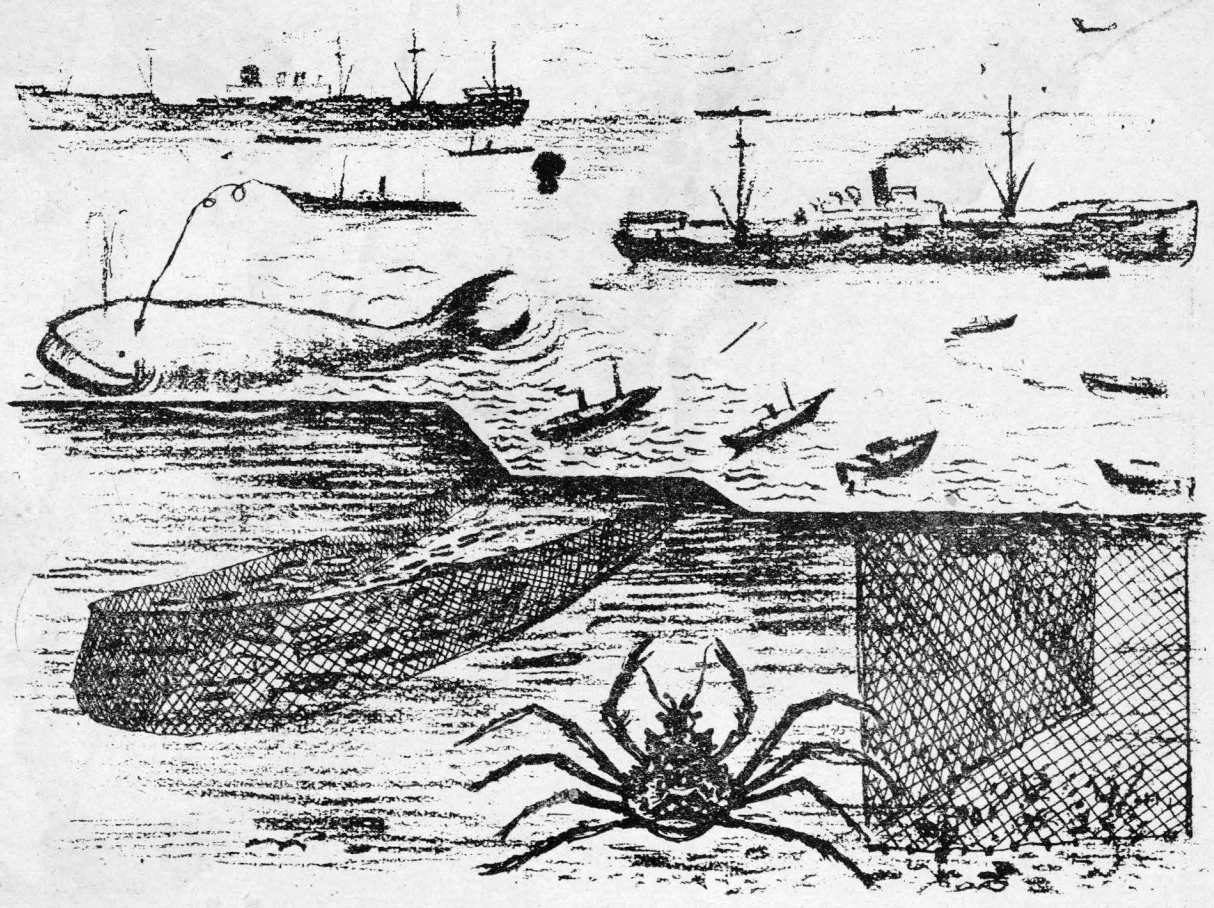
Родина второй банки — берега Ледовитого океана. Советские тральщики вышли в море. Громадными траловыми сетями они ловили северную сельдь и везли ее в Мурманск. Здесь на консервных заводах северную селедку превратили в нежные, вкусные консервы.

Наконец третья банка родилась в Казакстане. На новом мясном комбинате шел убой скота. Здесь все делали машины — убивали, потрошили, резали. Потом отдельные части туши получили самое разнообразное применение.

Из волоса сделали материал для наполнения матрацев, а из шкуры и костей получили желатин, который с одинаковым успехом идет и для приготовления взрывчатых веществ и для производства конфет и пирожных.

Из тех же костей, кроме желатина, сделали искусственное удобрение и корм для птиц и скота. Рога и копыта пошли на варку клея, а внутренности дали 250 сортов самых разнообразных лекарств.

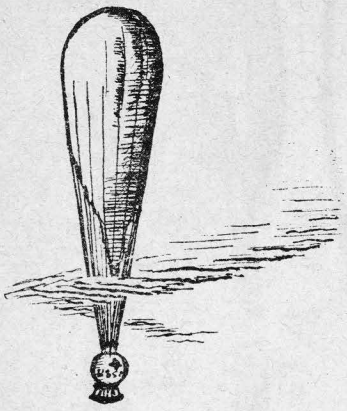
Наконец мясо отправилось в магазины и столовые, а часть была направлена на консервное отделение комбината, где из него приготовили содержимое нашей третьей банки.



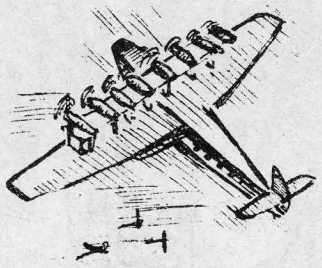
Так родились три консервных банки — на плавучем заводе Тихого океана, на берегу Северного моря и в далеком, знойном Казакстане.

Во вторую пятилетку резко увеличится продукция всей нашей пищевой промышленности. Будет закончено строительство 17 мясокомбинатов, начатых в первой пятилетке, развернуто строительство 23 новых комбинатов. Увеличен флот в рыбной промышленности и построены десятки консервных, маслобойных и кондитерских фабрик. За пять лет в 2,5 раза увеличится потребление таких продуктов, как мясо, жиры, рыба, яйца и сахар.

7 ЧУДЕСА ТЕХНИКИ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

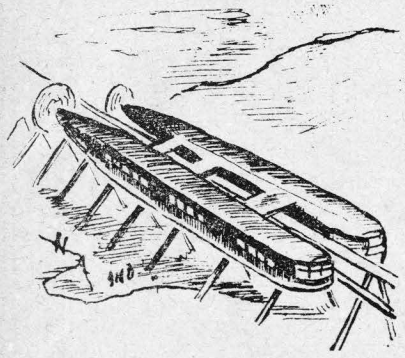


Советский стратостат «СССР».

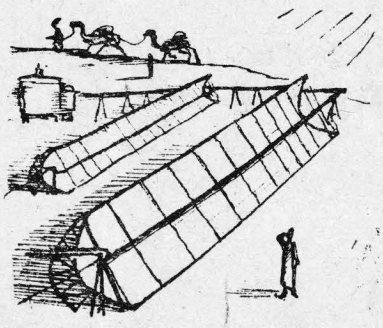


Самолет «Максим Горький».

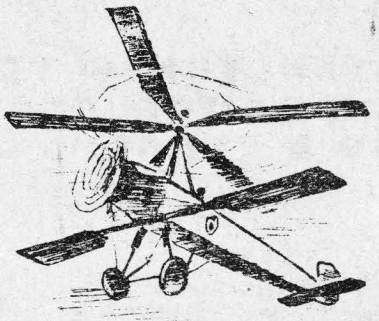
Искусственное вызывание дождя.



Аэропоезд Вальднера.

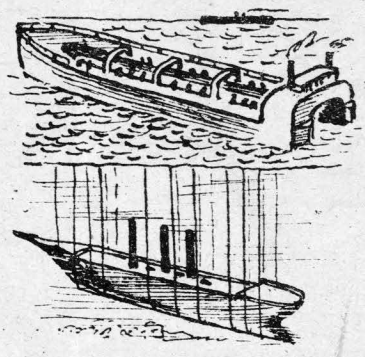


Солнечная станция.



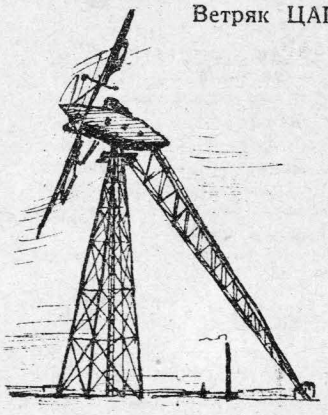
Автожир.
Поднимается без разбега.

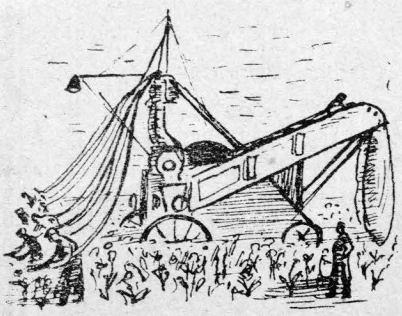
Антенна, направляющая радиоволны по определенному адресу.



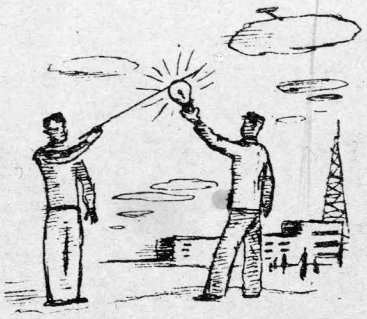
Под'ем затонувших судов.

Ветряк ЦАГИ.

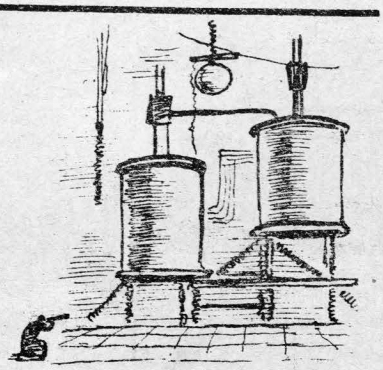




Хлопковый комбайн.



Передача тепла и света по радио.



Мощные трансформаторы, увеличивающие напряжение до миллиона вольт.